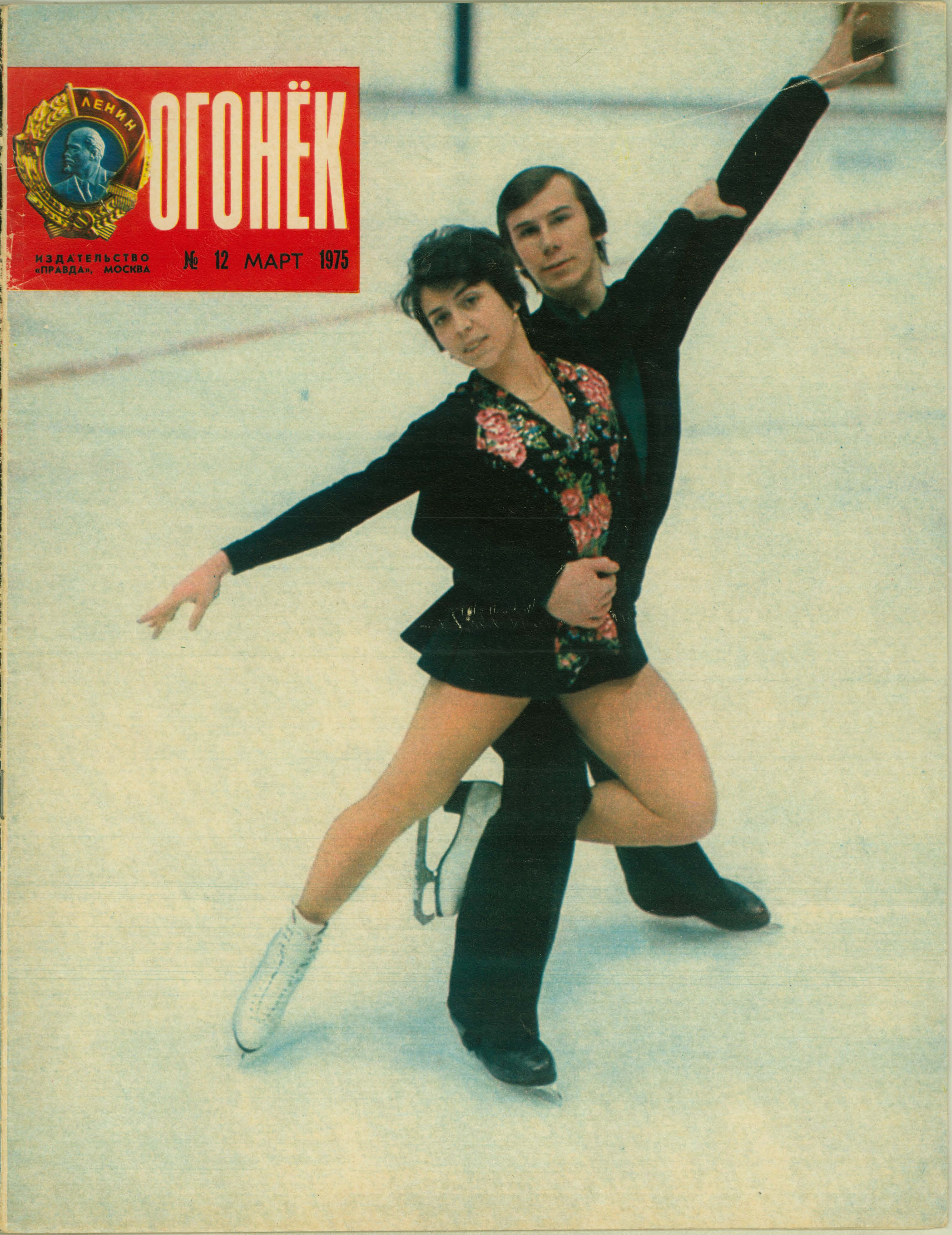

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 12 МАРТ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

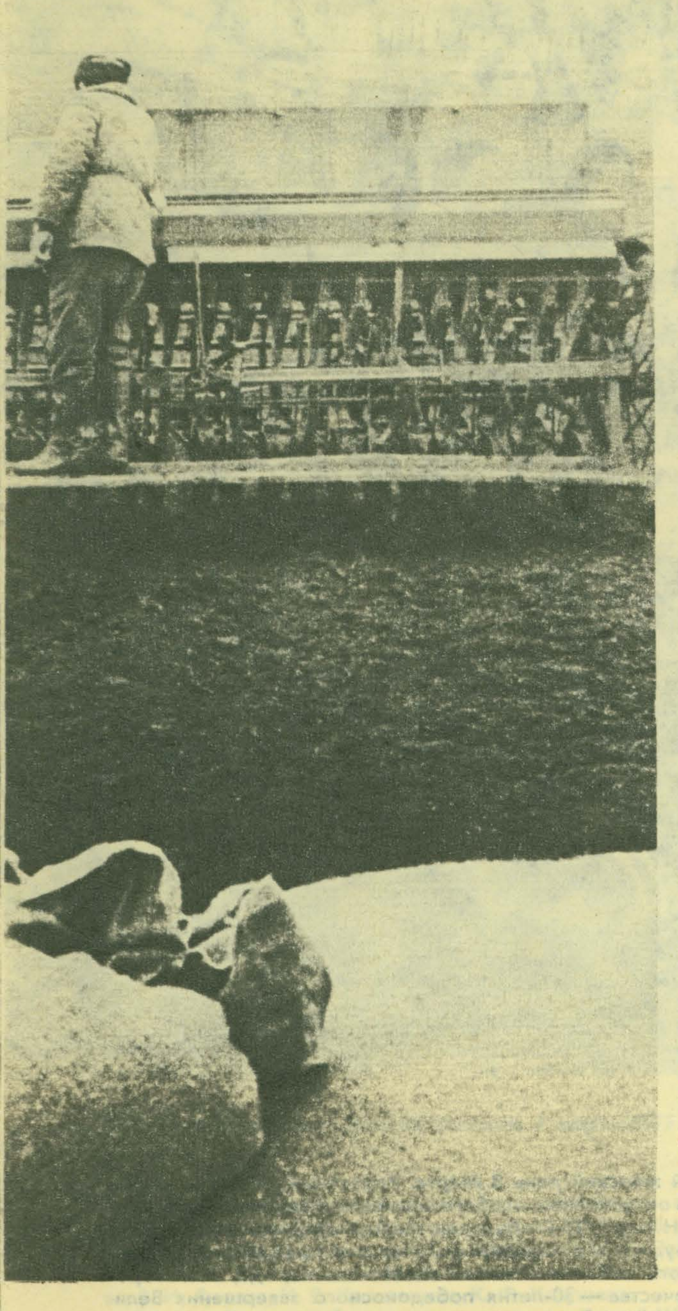
Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2489)
15 МАРТА 1975

Николай БЫКОВ
Фото Б. КУЗЬМИНА

ЭФФЕКТ ВЕСНЫ

КРЫМСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В степи под Симферополем уже отсеялись...

По машинам!.. С первыми лучами солнца красавцы К-700 уходят в поле.

Весна — истинное новогодие деревни. Синий свет разливает март повсюду на земле, пробудившейся от недолгого зимнего сна. А нынешняя весна особая — минуло десять лет после исторического мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС. Он состоялся в то время, когда, по словам товарища Л. И. Брежнева, стало «особенно очевидным несоответствие между бурным ростом социалистической промышленности, культуры, науки и техники и отставанием сельского хозяйства. За длительное время — частично по объективным причинам, а частично из-за допускавшихся в прошлом просчетов — в деревне накопилось много нерешенных проблем...» Эти проблемы тормозили развитие нашего народного хозяйства, они стали предметом обсуждения и анализа на том самом Пленуме ЦК КПСС. Крутой поворот к нуждам деревни — суть решений, принятых в марте 1965 года. Были выработаны основы новой аграрной политики партии: создание экономических условий, стимулирующих рост сельскохозяйственного производства, учреждение нового порядка планирования и заготовок, резкое увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство, долговременная программа механизации, химизации и мелиорации земель, развитие сельскохозяйственной науки, меры по ускорению социального развития села.

За 1965—1974 годы в сельское хозяйство направлено 195 миллиардов рублей. Это почти втрое больше, чем в 1955—1965 годах. Село получило 3 миллиона тракторов, 1,6 миллиона разных автомобилей, 906 тысяч зерновых комбайнов и много другой новейшей сельскохозяйственной техники. Возросла энерговооруженность тружеников села.

За минувшее десятилетие в стране ускорились темпы роста производства и заготовок продуктов земледелия и животноводства. Именно в эти годы был достигнут пик в валовом сборе зерна за всю историю отечественного земледелия, именно в эти годы был собран наивысший урожай зерновых с гектара, именно в эти годы многие хозяйства, даже целые районы подошли к рубежу урожайности зерновых в пятьдесят центнеров. А ведь нива Отечества нашего огромна — сельскохозяйственные угодья занимают 608 миллионов гектаров, из них пашня — 225 миллионов гектаров. Валовое производство зерна только в Российской Федерации возрастало в 1971—1974 годах на 8,7 миллиона тонн ежегодно по сравнению с годами предыдущей пятилетки. Что это значит! Это значит, что каждый год страна получает еще по одной плодороднейшей Кубани и даже побольше. Два года подряд украинские хлеборобы продают по миллиарду пудов зерна! Не раз уже по миллиарду пудов хлеба продавали труженики полей Казахской ССР. А нынче Молдавская ССР борется за урожай в 42—44 центнера зерновых на площади почти миллион гектаров!.. Заметный экономический эффект — примета минувшего десятилетия.

Какой же он, март 1975 года! Чем живет село сегодня, что волнует селян в канун десятой пятилетки!

Продолжение см. на стр. 6.

ПРАЗДНИК ТРУДЯЩИХСЯ ЖЕНЩИН

Международный женский день 8 Марта. Радостный, светлый, весенний праздник. Ныне он исполнен особого значения. Решением Генеральной Ассамблеи ООН год 1975-й объявлен Международным годом женщины. Праздник трудящихся женщин отмечался в преддверии выдающегося политического события в жизни советского народа, всего прогрессивного человечества — 30-летия победоносного завершения Великой Отечественной войны. В суровую военную годину с небывалой силой раскрылось величие советской женщины, свершавшей подвиги и на полях сражений и на трудовом фронте. Наши женщины и сегодня в мирной жизни проявляют образцы трудового героизма на всех участках коммунистического строительства.

7 марта в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских и общественных организаций, посвященное Международному женскому дню.

17 МАРТА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ОТМЕЧАЮТ 26-ю ГОДОВЩИНУ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ.

УЧИТЬСЯ ВСЕЙ СТРАНОЙ

Молодые люди, которых вы видите на снимке, почти ровесники своей страны — Корейской Народно-Демократической Республики. Они учатся в Пхеньянском государственном университете.

Корея — страна древней цивилизации. Но в самый мрачный период ее истории, в годы японского господства, чужеземцы лишали корейский народ права пользоваться национальным языком и письменностью. В северной части страны не было даже средних школ, а число неграмотных составляло в 1945 году, в год освобождения, почти два с половиной миллиона человек. С первых же дней республика приступила к ликвидации наследия колониализма. В самых дальних селениях открывались народные школы. Помощь в становлении новой, демократической системы образования в КНДР оказал Советский Союз.

Трудовая партия Кореи выдвинула лозунг: «Учиться всей страной, всей партией, всем народом». В апреле 1973 года был принят закон о переходе к всеобщему обязательному 10-летнему образованию. В стране с 15-миллионным населением ежедневно садятся за парты свыше 3 миллионов детей, в высших учебных заведениях и технических училищах обучаются 240 тысяч человек. Главное внимание уделяется подготовке высококвалифицированных специалистов, которые так нужны республике, строящей социализм.

Фото ЦТАК — ТАСС

18 МАРТА — 27-я ГОДОВЩИНА ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ БОЛГАРИЕЙ.

СЫНОК

Бедрос КИРКОРОВ, болгарский певец

Варна. Солнечное сентябрьское утро 1944 года. Мой родной город облетела радостная весть: советские войска вступили на болгарскую землю и из Силистры направляются к Варне. Около полудня в небе показался самолет с красными звездами на крыльях. Все высы-

Москва, Кремлевский Дворец съездов, 7 марта 1975 года. Торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню.

Фото А. Гостева

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Д. С. Полянского, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Торжественное собрание открыла секретарь МГК КПСС Р. Ф. Дементьева. Она предоставила слово кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС Б. Н. Пономареву, который огласил приветствие Центрального Комитета КПСС советским женщинам.

Горячими, продолжительными аплодисментами встретили участники собрания теплые слова приветствия ленинского ЦК.

Затем выступила председатель Комитета советских женщин, Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. В. Николаева-Терешкова.

На торжественном собрании выступили также участница Великой Октябрьской революции, член КПСС с 1917 года М. В. Фофанова; заместитель директора ЦНИИ промышленности лубяных волокон М. И. Виноградова; Герой Советского Союза М. Б. Осипова; Герой Социалистического Труда монтажница Московского телевизионного завода Ж. Е. Горбачева; Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Здобуток Жовтня» Тальновского района Черкасской области Т. А. Гаврилова; доктор медицинских наук, профессор И. В. Маркова; студентка МГУ А. Д. Турчанинова.

С большим воодушевлением было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

Торжественные собрания, посвященные Международному женскому дню, состоялись в Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте, Фрунзе, Таллине и других городах.

пали на улицу. Мне было восемь лет, и я никогда еще не видел, чтобы собиралось столько людей. В толпе оживленно переговаривались, показывали на советский самолет со словами: «Братушки прилетели».

Вместе с родителями я пошел к городской тюрьме, где находились политзаключенные — коммунисты. Двери тюрьмы были плотно закрыты, но оттуда доносились песни. Вскоре к тюрьме подошел отряд партизан, который освободил узников. И все вместе направились к центру. Там, у Оперного театра, появились первые советские мотоциклисты. Их забрасывали цветами, каждый стремился пожать им руки, обнять своих освободителей, народ ликовал, пел. И слово «братушки» громче и громче звучало со всех сторон. Прошло еще несколько минут, и появились первые танки. Они остановились на центральной площади. Из одного выскочил молодой парень. Он подошел ко мне и поднял на руки.

— Сынок! — ласково сказал танкист, поцеловал меня и опустил на землю. Родители заговорили с бойцом — они хотели узнать последние новости.

Этот день навсегда остался у меня в памяти как символ дружбы, любви, братства между нашими народами. После окончания школы я стал членом Всенародного комитета болгаро-советской дружбы. Мы создали свой мужской хор и часто выступали перед гостями из СССР. Дружба с советскими людьми продолжалась и в Москве, когда я был студентом театрального института имени Луначарского.

Я рассказал поэту Б. Дубровину о том памятном дне 1944 года. Он написал стихи, а композитор Б. Власов сочинил музыку. Так появилась песня «Сынок», которую я с большой любовью исполняю в каждом своем концерте. Ее всегда тепло встречают слушатели. Однажды в Москве после концерта ко мне за кулисы пришли три человека из зрительного зала.

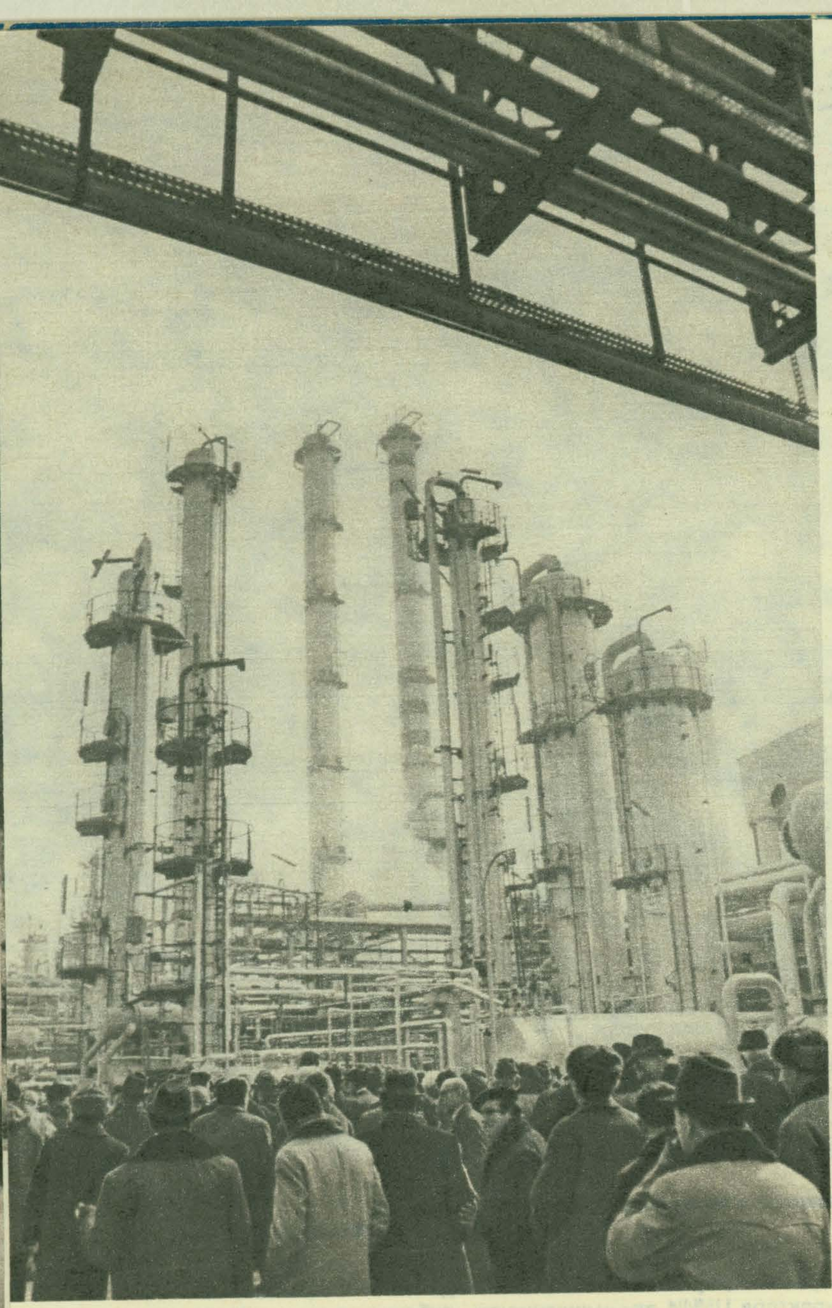
— Мы — участники освобождения Болгарии,— представились мои гости. Так я познакомился с командиром 44-й танковой бригады полковником Петром Селиновичем Жуковым, разведчиком этой же бригады Юрием Константиновичем Соколовым и телефонисткой Еленой Сергеевной Волковой. Они благодарили за песню, которая воскресила в памяти незабываемые события.

В городе Силистре, на берегу Дуная, установлен памятник советским танкистам, вступившим на болгарскую землю восьмого сентября 1944 года. Там же на пьедестале стоит танк Т-34, его номер 313. Он первым пересек тогда границу Болгарии. Кто знает, не его ли вел тот парень, что назвал сынком болгарского мальчишку?

Я думал об этом, когда возвращался с гастролей из Коми АССР, где среди слушателей было немало моих соотечественников — болгар, что работают здесь на лесозаготовительных предприятиях. Самый большой успех выпал на долю песни «Сынок».

Танк № 313 на берегу Дуная.

Вот она, новостройка — олефиновый завод.

Эти двое встретились в Ленинвароше — Иштван Деяк и Герой Социалистического Труда из советского города Калуша В. И. Мартынюк.

А здесь его сердце — центральный пульт управления

ЖИВАЯ НИ

«Сооружение производственных мощностей в г. Калуше является составной частью совместной советско-венгерской программы развития производства важных видов химической продукции, служит ярким свидетельством постоянно крепнущего и расширяющегося советско-венгерского сотрудничества, живым примером реализации на практике Комплексной программы социалистической экономической интеграции».

Л. И. БРЕЖНЕВ

«Особое значение олефинового комплекса заключается в том, что в нем воплощен новый, более совершенный тип производственного сотрудничества между Тисайским химическим комбинатом и находящимся в СССР Калушским химико-металлургическим комбинатом».

Я. КАДАР

Они стояли на ступенях перед Дворцом культуры. Ленинварош, как в большой праздник, украсился флагами — трехцветными венгерскими и алыми советскими. Да это и был праздник! Вот-вот должен был начаться митинг в честь пуска олефинового завода. Они смотрели на эти флаги, на весеннее небо, на видневшиеся вдали трубы Тисайского химического комбината, на улицы молодого города химиков и что-то оживленно обсуждали. Я принял их за отца и сына (многие работают на комбинате целыми семьями), так они были похожи, но, подойдя поближе, услышал русскую речь и понял, что ошибся: один из них, младший, говорил с явным акцентом. Старший, со звездой Героя Социалистического Труда на пиджаке, спрашивал:

— А что здесь, Иштван, раньше было?

— Кукуруза росла, Владимир Иванович,— засмеялся тот, кого звали Иштваном.

— А ты русскому где учился?

— У вас в Советском Союзе, когда практику проходил на заводе в Грозном. Потом строил точно такой же завод здесь, в Ленинвароше. Теперь инженер.

— Молодец...

— У наших заводов общий план — хорошо,— сказал Иштван.— Мы друг друга понимаем — хорошо.

— Да, вместе мы еще сильнее.

Начинался торжественный митинг, и все поспешили в зал. Мои новые знакомые — монтажник из советского города Калуша Герой Социалистического Труда Владимир Иванович Мартынюк и молодой венгерский инженер Иштван Деяк — устроились рядом.

По сути дела, Ленинварош и Калуш — части единого комплекса, который создавался двумя странами и для которого государственная граница не препятствие. Что представляет собой этот комплекс? В Ленинвароше построен завод по производству олефинов мощностью 250 тысяч тонн этилена и 125 тысяч тонн пропилена в год. Завод связан с Калушским химико-металлургическим комбинатом трубопроводом, по которому в Советский Союз ежегодно будут подаваться десятки тысяч тонн олефинов. Из них производят различные химические продукты. В обмен Советский Союз поставит в эквивалентной стоимости некоторые виды пластмасс и другие товары нефтехимии, которые в Венгрии не выпускают. Потребность Венгерской Народной Республики в этих продуктах будет полностью удовлетворена, но взаимная выгода этим не исчерпывается. Она заключается и в том, что страны разделили большие затраты на капитальное строительство, и в экономии средств, и в сокращении сроков строительства почти в полтора раза...

Примерно так рассказывал о советско-вен-

Из пятнадцати тысяч жителей Ленинвароша почти половина — дети.

ТЬ

герской олефиновой программе в Будапеште корреспонденту «Огонька» Дюла Секер, министр тяжелой промышленности ВНР, приглашая на торжества в Ленинварош. Теперь здесь, на митинге, он говорил:

— В нашей совместной работе труднее всего было закончить одновременно, буквально с точностью до часа, огромное капитальное строительство по обе стороны границы, чтобы сразу начать поставку этилена. Сегодня уже с радостью можно сказать: эти проблемы решены. Что нового в нашем сотрудничестве? Создана непрерывная производственная связь между двумя заводами и между странами. Все успехи, а также все трудности будут делить оба коллектива. Как у нас часто говорят: вместе печалимся и радуемся вместе...

Я увидел, как при этих словах министра Мартынюк быстро нагнулся к Иштвану Деяку и прошептал:

— У нас тоже так говорят!

— Хорошо,— шепнул в ответ Деяк,— очень хорошо, Владимир Иванович.

Ю. ЛУШИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Ленинварош — Москва.

ФОРУМ ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТОВ

Имре ВЕРТЕШ,
венгерский журналист

Через несколько дней в Будапеште начнет работу XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии, представляющий три четверти миллиона коммунистов нашей страны. Из десяти предыдущих съездов два проходили нелегально. Последующие состоялись после освобождения, когда коммунисты уже представляли взявший власть трудовой народ.

На рассмотрение съезда будет представлен проект программного заявления ВСРП. В этом документе говорится, что в результате освободительной борьбы Советской Армии в 1945 году начался новый период в истории Венгрии. Партия стала признанным руководителем народа, который добился исторических успехов в строительстве социалистического общества.

Нынешний партийный съезд совпадает с тридцатилетием освобождения Венгрии от фашизма. И эти три минувшие десятилетия ВСРП постоянно стремилась претворять в жизнь учение марксизма-ленинизма, осуществляя ленинские нормы партийной жизни. Еще три месяца назад в нашей стране были опубликованы тезисы ЦК ВСРП к предстоящему съезду. Руководство партии предложило коммунистам высказать свое мнение об этом важном документе, сформировать общую точку зрения. Призыв этот нашел живой отклик в самых широких слоях трудящихся. Дискуссия шла чрезвычайно активно: более половины членов партии — четыреста тысяч человек — высказали свое мнение, внесли предложения.

Этот диалог партии с трудящимися охватил почти все важные области политической, экономической и культурной жизни. Речь шла о самых разных проблемах, но общий итог всех полезных и критических замечаний можно было бы сформулировать так: рабочий класс, народные массы верят в партию, удовлетворены ее политикой и теми целями, которые она ставит для построения социалистического общества, постоянного укрепления власти рабочего класса и роста жизненного уровня народа.

Люди удовлетворены также внешнеполитической линией партии, считая, что Венгерская Народная Республика и впредь не будет сторонним наблюдателем событий, происходящих в мире. Они знают, что партия в своей международной деятельности учитывает не только интересы своего народа, но и задачи, стоящие перед международным коммунистическим и рабочим движением, перед всем прогрессивным человечеством. Это многосторонние, сложные задачи, в которые входит самое главное — углубление братских связей с Советским Союзом, укрепление и многостороннее расширение советско-венгерской дружбы. Для нас нет сомнения в том, что это служит национальным и международным интересам родины, общественному прогрессу и благу нашего народа.

В политике так же, как и в любой другой области, нет и не может быть остановки. Успокоение может привести лишь к регрессу. Именно поэтому XI съезд ВСРП как важную цель ставит разработку тех своевременных мер, с помощью которых можно продолжать укреплять социалистический характер нашего общества.

Теория марксизма-ленинизма убеждает в том, что построить социалистическое общество можно лишь на основе целеустремленного, планомерного труда. Стихийность здесь закономерно ведет к трудностям, ослабляющим силы социализма в обществе.

Тезисы ЦК ВСРП к XI съезду партии ориентируют страну на реально достижимые цели, на интенсификацию промышленности и сельского хозяйства, строжайшую экономию сырья и других материалов, на постоянное улучшение качества продукции. В этом документе обращается внимание на несколько стратегических направлений, которые должны обеспечить еще более быстрое продвижение вперед. Среди них — укрепление плановости, повышение эффективности руководства, усиление специализации в промышленности, модернизация энергетической системы, развитие химической промышленности, еще более активное участие Венгрии в социалистической интеграции.

Нынешний партийный съезд проанализирует классовые отношения в нашем обществе и сделает из этого соответствующие выводы. Как известно, социализм при нынешней степени развития представляет еще классовое общество: он базируется на союзе и сплочении двух братских классов — рабочих и крестьян.

«Ведущим классом социалистического общества, — отмечается в проекте программного заявления ВСРП, — является рабочий класс. Его руководящая роль сохраняется в ходе всего периода строительства социализма, влияние его в обществе продолжает возрастать».

XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии наметит перспективу строительства социализма в нашей стране на ближайшие десятилетия. Задачи, намеченные программной декларацией 1948 года, выполнены. «В последующие 15—20 лет,— говорится в документе,— перед ВСРП стоит задача способствовать дальнейшему продвижению по пути строительства социализма, созданию в ВНР развитого социалистического общества, приближению к исторической цели — коммунизму». Партия призывает всех сторонников социализма, всех трудящихся Венгрии своим самоотверженным трудом способствовать достижению намеченных целей.

ЭФФЕКТ ВЕС

НАЧАЛО СМ.
НА II СТР. ОБЛОЖКИ

— Внимание! Молочный блок, прошу позвонить в диспетчерскую...

— Молочный блок слушает!

На экране телевизора появляются настороженные глаза дежурного. Дежурный ждет указаний. Видно, по голосу понял: вызывает директор. Но Владимир Ильич тянет руку к выключателю. Указаний молочному блоку нет; просто он демонстрирует мне, как теперь оборудована диспетчерская совхозной молочной фабрики.

— Спасибо, — и директор выключает микрофон. Телеэкран тоже гаснет. Конечно, он мог бы спросить, где сейчас утреннее молоко — на пастеризации или уже проходит фасовку, его пакетируют. Или — промыты ли молокопроводы. А можно было бы спросить, где сейчас коровы, на своих ли местах или на выгульных площадках. Но каждый из этих вопросов прозвучал бы, мягко выражаясь, глупо, во всяком случае, ненатурально. С новинкой здесь давно свыклись, и дежурный по молочному блоку наверняка подумал бы: «Что ему, директору, делать нечего?..» Ведь на любой вопрос (конечно, если этот вопрос носит сугубо производственный характер) отвечают световые табло и технологическая электросхема, расположенные над пультом управления диспетчера.

Я помню, как в совхозе «Урожайный» начинали строить эту экспериментальную МТФ. Работники ВНИИ электрификации сельского хозяйства, строители и директор совхоза Владимир Ильич Егудин много спорили, вечно куда-то спешили, что-то переделывали на ходу. Например, добились безотказной работы молокопровода тем, что сделали укороченные коровники: молоко теперь не сбивается по пути... И вот молочный комплекс работает. То и дело загораются световые сигналы. Как на стадионе! Щелчок тумблера, и на экране — коровы. Не знаю, как они догадались, что телевизор включен, но буренки разом повернули головы и дружно посмотрели в око телекамеры. Огромные коровьи глаза на экране! Как молчаливое ожидание чуда (или сочных кормов?). И чудо, вот оно; чудо — это система двусторонней связи на современной ферме. Телеглаз заглянул в бетонные кормушки.

— Надо что-то делать с голубями,— вслух размышлял директор.— Тысяча нахлебников! Так фуража не напасешься...

Стаи голубей то взлетали, то вновь пикировали на кормушки. Коровы не протестовали. А телеглаз заскользил дальше...

Мы живем в эру новых технологий. Характер технологического процесса, степень его обновления, совершенства решают судьбы планов и роста производительности труда. Технологии соревнуются между собою. Вот почему я время от времени стараюсь побывать в хозяйствах Симферопольского района. Если, например, в машиностроении новая технология в общем-то никакое не диво и ее разрабатывают тысячи ученых, специалистов, то на селе, согласитесь, довольно редко что-то меняется в извечном процессе производства зерна, мяса, молока. А менять надо. И я давно заметил, что, например, в Симферопольском районе наука определенно имеет влияние на производство.

Ну, конечно, и здесь корова осталась коровой, естественной фабрикой молока. Но помимо селекционной работы, улучшающей как бы качество новых живых «фабрик», важно еще и отладить их жизнеобеспечение таким образом, чтобы максимально повысилась продуктивность. Вот технологи и стараются ответить на все проблемы жизнеобеспечения. Звучит это непривычно, но отныне корова рассматривается именно как система.

В совхозе «Урожайный» за одной дояркой закреплено сто коров. Это, так сказать, проектная мощность фабрики, идея и смысл новой технологии. Но люди и коровы не сразу привыкли к новшеству, к рамкам инженерии. Двухразовая дойка, например, повлекла перестройку режима дня. Была отмечена повышенная раздражительность животных. Со временем новые факторы, конечно, теряют свою отрицательную силу. Об этом позаботились люди, они специально подумали о дополнительной изоляции машинного отделения, о системе лакомой подкормки во время машинного доения, наконец, о постоянном теленаблюдении за животными из диспетчерского центра.

Каждая доярка имеет контактный ключ — она включает его в сеть, и с этого момента диспетчер знает: работа началась. Бегут огоньки. Загораются через выверенные по технологии интервалы световые табло: «Приход на работу», «Санобработка», «Внимание, идет дойка», «Идет кормораздача», «Вентиляция вкл.». Кстати, доярки — не доярки, а мастера доения. Диспетчер по образованию зоотехник. Зоотехники отныне выполняют функции технологов.

* * *

Первый секретарь Симферопольского райкома партии Юрий Георгиевич Бахтин при новой встрече сразу спросил:

— Понравилось в «Урожайном»? Так вот, и эта экспериментальная ферма уже не идеал... Нет, не идеал. Нужна более рациональная схема кормораздачи. Надо как-то совместить три вида кормов, то есть силос, солому, корнеплоды, и подать их одновременно к столу. И потом проектанты увлеклись тяжелыми капитальными постройками. А ведь нужны лишь навес да стена со стороны господствующих ветров. В колхозе имени Жданова у нас начали строить более современную ферму. Принцип? Боксовое содержание коров! Так вот там по сто коров придется не на доярку, а на каждого работающего! Это шаг вперед, если сравнивать новую технологию с той, что отработана в «Урожайном».

Значит, снова поиск?

Мы — старые единомышленники. Это он, Юрий Георгиевич, втолковывал мне уже не раз: необходимо добиваться неуклонного, неустанного снижения затрат живого труда!

— Наш барометр показывает на «концентрацию»!

Роль научно-технической революции именно в этом процессе трудно переоценить. За технологией тут первое слово. От ее уровня, от уровня мышления современных технологов сельского производства — агрономов и зоотехников — зависит эффективность экономики. Эти мысли Бахтина мне давно знакомы.

— Ну, хорошо,— говорил я ему.— Научно-техническая революция в промышленности — это еще понятно. Но в селе? Сулит ли она новые решения селу? Или упоминание НТР к делу и без дела только мода и не более? Уж вы-то знаете, наверное...

И тогда Юрий Георгиевич повез меня в совхозы «Красный», «Южный», «Урожайный»... В «Красном», например, свой научный центр. Здесь «давай-давай» на пенсии. Здесь программируют получение бройлеров с улучшенными качествами. К услугам зоотехнологов и селекционеров своя ЭВМ. У соседей в «Южном» получили фантастическую прибавку яиц за один минувший год: сорок два миллиона! Только за счет внутренних резервов. Только за счет совершенствования технологии. Без единой копейки капвложений. Сорок два миллиона плюс — да ведь это, по существу, новая птицефабрика! Без копейки затрат, без нового фонда зарплаты...

Однажды Юрий Георгиевич окунул меня в заботы, искания совхоза «Виноградный». Здесь бросилась в глаза табличка на одном из кабинетов: «Зам. директора по науке». И еще «Зам. директора по экономике». Владлен Филиппович Карзов и Михаил Григорьевич Серпович подробно рассказывали, где, на чем, на каких участках сложной технологической линии крупного хозяйства специалисты совхоза отыскали прямые выгоды, ключи эффективной экономики. Все, что есть передового в науке виноградарства, здесь проверяется и принимается на вооружение. Например, формирование винограда на высоком штамбе, оно позволяет большинство операций в рядках механизировать. Или замечено, что пальцы женщин так устают на обрезке, что с трудом подвязывают остающуюся лозу. Здесь, в совхозе, применили так называемые вязальные ножницы. Или в дни уборки каждая женщина на руках выносила до пятисот килограммов гроздей из рядков. Теперь применяют легкие полиэтиленовые контейнеры. «Ковши» эти позже собирает автобункер, таким образом, уборка сокращается недели на две. А ведь именно вторая половина срока уборки всегда вела к потере винограда, к потере десятков тысяч рублей. Ручной труд за год — три свели к минимуму.

А еще совхоз принял, например, предложение ученого Виктора Григорьевича Николенко, в корне изменившее технологию подготовки черенков. Это отдельная повесть! Короче, вместо выхода в 22 — 25 процентов жизнестойких черенков совхоз теперь получает к весне вдвое больше — зеленых, сочных! Вдвое повысилась приживаемость, а ведь это реальная прибавка урожая.

— Но любая технология — это люди, исполнители. У нас проводится ежегодная обязательная переаттестация работников всех профессий. По существу, это экзамены. По билетам, в присутствии комиссии, все честь по чести,— поведал Михаил Григорьевич, заместитель директора по экономике.

Директор совхоза Георгий Николаевич Авраамов обратил внимание на другое:

— Поток информации сегодня таков, что чуть зазевался — с ног собьет! И тем не менее тот не специалист, не мастер, кто, как говорится, не в курсе...

Бахтин, в свою очередь, тут же привел пример того, как райком партии, со своей стороны, помогает руководителям бороться даже с некоей душевной леностью и с благоприобретенной самоуспокоенностью специалистов:

— Помогает, знаете что,—соревнование! Соревнование — это же повод пошевелить мозгами. По-

Н Ы

буждение и пробуждение роста производительности. Тут особенно четко проявляется принцип хозрасчета, древний крестьянский принцип: что посеешь, то и пожнешь!.. Обычно все хозяйственные задания разрабатываются у нас в н и з у — в звеньях, в бригадах.

Я записал слова Авраамова: «Заставить работать интеллект».

Действительно, если интеллект спит, дремлет, то вряд ли отыщется тот оптимальный вариант, та технология, которые единственно источник н о в о г о. А у работников совхоза, кому и дела-то вроде нет до организации труда, окрепло чувство хозяина.

Что же произошло в «Виноградном»? Я подумал, что благотворна именно постоянная гимнастика интеллекта. Полная умственная загрузка каждого работника совхоза обернулась прибылью. Стала силою производительной. Самая возможность безбоязненно высказаться дает ощущение, что ты не так уж бесполезен. Самое это ощущение — категория тоже экономическая. Оно, как правило, прибыльно для совхоза. Не случайно предыдущая пятилетка дала «Виноградному» двадцать один миллион рублей чистой прибыли. Деньги обернулись новой техникой. Кстати, до войны весь Крым получал четырнадцать тысяч тонн винограда, а теперь один этот совхоз способен переработать в три с половиной раза больше!

Вот почему появилась в «Виноградном» такая должность: заместитель директора совхоза по науке. Законом жизни стали здесь еженедельные так называемые пресс-конференции, на которых главные специалисты делают со-

Депутат Верховного Совета УССР Ю. Г. Бахтин: «Эффект весны — это результат концентрации научных и технических усилий!..»

общения обо всем новом, что вычитали в специальной литературе. И кое-что иногда предлагают внедрить в той или иной отрасли своего хозяйства. Вот почему именно «Виноградный» готовится дать бой невидимому для простого глаза дракону по научной кличке «филоксера». А ведь положение в области тяжелое, почти половину былого винограда здесь потеряли за последние годы: пожрал «дракон» многие виноградники...

эффектны, выгодны в данной ситуации. Бахтин предложил директору: «Побольше примеров из жизни»,— на что Авраамов ответил в шутку: «У нас вся жизнь из одних примеров!..» И Георгий Николаевич, по-молодому вспыхивающий, обаятельный и красноречивый, поведал о том, как в их совхозе работает совет рационализаторов. Это, по словам директора, м ы с л е у л о в и т е л ь! Регулярно на заседание совета приходят все желающие предложить нечто новое. Совет выслушивает любое предложение. Любое. В том-то и дело! В этом, оказывается, смысл затеи. Никого не «заворачивают с порога». Никого не обрывают на полуслове, не вышучивают: «Старо, как мир... Проспись... Доживи до понедельника...» Выслушивают всех. Позже члены совета сортируют наговоренное. Отделяют ядра рационального от словесной шелухи. Грамотное от неграмотного, толковое от бестолочи. И оказалось, что, просевая груду предложений, специалисты получили дополнительный, довольно постоянный

* * *

Юрий Георгиевич был явно доволен, что познакомил меня с «Виноградным» и его директором. Кажется, убедил меня, что на селе НТР не просто модное словечко. Я слушал его и думал, что он должен быть счастлив тем, что вот такие руководители — полпреды науки, современно мыслящие — есть в хозяйствах его района. Но понимаю, понимаю, что и трудно ему с ними, с такими! Экономика района развивается бурно, интересы хозяйств различны. Движение каждого вперед обретает свою логику. А ему надо иметь в виду упряжку в целом. Мы много говорили на эту тему. «Сухой» район, куда еще не дошла вода Северо-Крымского канала, вынужден все меньше и меньше отдавать земли зерновым, а ведь валовое производство хлеба растет и перевалило за сто тысяч тонн!

— Нас уже поругивают, если намолотим меньше тридцати центнеров.— В глазах Бахтина вспыхивают хитринки.

Да, урожай пшеницы в двадцать центнеров, за который некогда присваивали звание Героя, канул в Лету. В самом деле, вся Крымская область в среднем стала намолачивать по двести пудов с гектара, а ведь земли здесь трудные. Земли Таврии — мергель, известняк, щебень... Когда-то вся область продавала шестнадцать тысяч тонн мяса. А теперь один Симферопольский район — его район, Бахтина — продал в минувшем году около двадцати тысяч тонн! Пятилетку по производству яиц район уже выполнил. Двум хозяйствам — госплемхозу «Широкое» и колхозу имени Жданова — вручены Красные знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за успехи в 1974 году. В минувшем году задания по всем показателям в районе выполнены. По всем! Я это к тому, что новый нарастающий вал продукции все чаще и чаще заставляет думать об экономике, о снижении затрат живого труда. Есть возможность планировать с учетом новых технологий? Есть, особенно в экономически окрепших хозяйствах. На чем строится здесь экономика? На виноградниках. На ранних овощах. И это естественно: Крым! Так же естественно было бы это учитывать, развивая и впредь животноводство. Уже сейчас надои во многих хозяйствах зависят от привозных концентратов, комбикормов. Да и не только надои...

— Почему бы планирующим органам не увязать цели зерновых хозяйств и скотоводческих как-то иначе? — спрашивал Бахтин.— Эти важнейшие отрасли — растениеводство и животноводство — стали со временем антагонистами...

Примета времени — хозяйства смело идут на прямые связи с торгующими и заготовительными организациями. Реализация молока по прямым связям ведет к сокращению транспортных расходов, а главное, покупатели получают молоко высшего качества. То же самое происходит, когда реализуются птица, овощи, фрукты...

Жизнь предъявляет свой счет планирующим органам. Сейчас планы нередко механически опираются на пресловутый «достигнутый уровень». А это ставит в неравные условия хозяйства передовые, средней мощности и экономически слабые, отстающие. Юрий Георгиевич не раз замечал:

— Планирование должно предусматривать корректировку планов с учетом растущей экономики, материально-технической базы. Да и сам план району ли, хозяйству ли, даже области должен не верстаться, а обосновываться сугубо экономически.

Я понял Бахтина: намечаемый годовой прирост производства надо каждый раз подкреплять дополнительными вложениями средств. Более того, и планировать-то надо к о м п л е к с н о. Не по отдельным видам продукции, даже не по отдельным хозяйствам, а в целом, в масштабе района, охватывая все сферы жизни.

— Отдача от передовых, лучших хозяйств не замедлит сказаться,— подтвердил Юрий Георгиевич.

А пока, я знаю, планирование нуждается в дальнейшем совершенствовании, однако наука на этот счет помалкивает, методики нет. До сих пор нет кадастра — экономической оценки земли, на которую должен был бы опираться план. С бахтинского сухого района спрос в принципе тот же, что с орошаемых земель Северного Крыма, где есть вода, где и техники побольше, а удобрения используются лучше. Более того, о каком «плане» идет речь, если хозяйства получают государственный заказ, народнохозяйственное задание, принимают обязательства, а еще им «доводят дополнительные задания». Четыре цифры — на какую держать курс? От передовика ждут «рекордного веса», но он все чаще теряет заслуженную награду лишь оттого, что не «выжал» сотых долей процента «допзадания», а тот, кто ограничивается перевыполнением плана-заказа, награждается аплодисментами и премиями...

Юрия Георгиевича волнуют и вопросы управления. Все хозяйства района незримо разгорожены ведомственными перегородками: тресты, главки, министерства... Различна логика развития хозяйств, различно их снабжение, а поэтому нередки конфликтные ситуации. Бахтин, знаю, строг и щепетилен, он, естественно, блюдет интересы района. Но как бы там ни было, а фонды, финансы, запчасти и прочее материальное обеспечение в руках того десятка ведомств, которым принадлежат хозяйства. Тут есть над чем задуматься в эпоху кибернетики.

Так всегда, жизнь выдвигает новые вопросы. Часто они наследие времен «антиэкономики». А думающий человек не может не думать о жизни, о новом, о преодолении старого, отжившего. Юрий Георгиевич — из думающих. Он не рубит сплеча, он просто поделился теми мыслями, которые всегда возникают перед новой весной, которые помогают обновлению. И тут Юрий Георгиевич напомнил мне золотое правило Галилео Галилея: он гораздо больше ценил нахождение даже малой части какой-то истины, чем пространное обсуждение грандиозных проблем, не приводящее к какой-либо истине. Что ж, если проблема «что вокруг чего вращается» лишь малая часть истины, я согласен и с Галилеем и с Бахтиным! Главное, чтобы она, Земля, вращалась и чтобы весна наступала после зимы.

Вот и подошла к околице новая пора, весна иных параметров, говоря языком оператора ЭВМ. А в поле, в сиреневой предвесенней степи и вправду благодать. Пусто, сыро, проясненно!

Дни подольше, тени в полдень покороче, а птицы поют дружнее. Так и слышу голос Юрия Георгиевича, разносимый селекторной связью:

— Внимание. Включаю весну! Даю минутную готовность...

Пять, четыре, три... С новым севом, Юрий Георгиевич!

КТО НАЗОВЕТ

«Спасибо за радость, доставленную снимком военного корреспондента Халдея. Фотография митинга 2 мая у Бранденбургских ворот, напечатанная в первом номере «Огонька» за этот год, напомнила незабываемые дни сорок пятого», — так начинается письмо бывшего гвардии старшины, кавалера трех орденов Отечественной войны Б. Г. Кундрюцкого, присланное в ответ на обращение «Огонька» «Кто назовет их имена!». Мы получили около пятисот писем от бывших воинов, участников штурма Берлина. Благодарим всех, кто откликнулся на наше обращение.

КТО НАЗОВЕТ ИХ ИМЕНА?

ВО ВРЕМЯ ШТУРМА

В годы Великой Отечественной войны я был командиром батареи 120-миллиметровых минометов 1010-го стрелкового полка, 266-й стрелковой Артемовской Краснознаменной ордена Суворова Берлинской дивизии.

21 апреля 1945 года наша дивизия вместе с другими соединениями 5-й ударной армии подошла с восточной окраины к Берлину и завязала ожесточенные бои. Десять дней я участвовал в уличных боях. Наибольшего напряжения они достигли, когда наш полк вышел к центральной площади — Александерплац. Моя батарея 120-мм минометов поддерживала стрелковый батальон майора Шевченко, которому было приказано занять квартал на подступах к ратуше — важному опорному пункту гитлеровцев.

Как сейчас помню, минометы были установлены на перекрестке улиц Валльнер-Театерштрассе и Блюменштрассе. Не знаю, сохранились ли названия этих улиц.

Не буду описывать сражение за Берлин. Хочу только привести выписку из наградного листа:

«Во время штурма Берлина 24/IV, поддерживая стрелковый батальон 1010-го стрелкового полка, минометная батарея капитана Катышева В. Н. огнем минометов подавила и уничтожила две минометные батареи врага и вывела из строя 59 вражеских солдат. 29 апреля 1945 года в боях за ратушу был подавлен огонь трех батарей противника и уничтожено до 20 фашистских солдат. Сам комбат Катышев лично уничтожил гранатами 10 гитлеровцев. За проявленное мужество, доблесть, личный героизм капитан Катышев достоин награждения орденом Ленина».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года я был награжден орденом Ленина.

После войны находился на партийной работе. Был делегатом XX съезда КПСС.

На снимке я узнал себя, вспомнил этот митинг. О том, что ему предшествовало, рассказал.

В. КАТЫШЕВ,
капитан в отставке.

Куйбышевская область,
село Борское.

НАШ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Увидев фотографию в «Огоньке», я вспомнил уличные бои в Берлине. Как бы они ни были тяжелы, мы занимали улицу за улицей, продвигаясь к центру, к логову Гитлера — рейхстагу. Наша 43-я гвардейская артиллерийская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова Запорожско-Одесская бригада вышла к Бранденбургским воротам рано утром 2 мая 1945 года. Тут образовалась пробка. Командир взвода старший лейтенант Кобзев приказал мне выяснить, в чем дело и где можно проехать. Я спрыгнул с пушки, взял с собой сержантов Жарищева Максуда Махутовича и Васильева Никифора Семеновича, и мы поспешили на площадь. У Бранденбургских ворот стояли танки, пушки, было много солдат. На один из танков поднялись офицеры, а командир танка, в кожаной куртке, сидел и закуривал. Офицеры поздравляли нас с победой и с тем, что мы стали ее свидетелями. Один из них сказал: «Солдаты! Настал час расплаты за все. В подвалах рейхстага еще есть остатки фашистов. Мы должны выкурить их. Будьте осторожны!» Было еще много поздравлений.

На снимке мы стоим перед конной повозкой: сержант Жарищев в пилотке, я рядом с ним в фуражке, а Васильев впереди меня стоит в профиль, на голове пилотка.

С Жарищевым я прошел от Днепра до Берлина. Он с 1925 года, из Астраханской области. Был у меня в орудийном расчете. Васильев родом из села Косторёво, Камышинского района, Волгоградской области. Мы с ним были как братья. От Днепра до Тирасполя служили связистами, обеспечивали бесперебойную связь между батареями и командным пунктом.

2 мая 1945 года для меня и моей части стало действительно Днем Победы. Мы на аэродроме помогали поднять красное знамя над Берлином. На наших глазах аэростат поднял десятиметровое красное полотнище. После победы мы расписались на стенах рейхстага, где нашли имена своих земляков.

В. САМОХИН,
бывший гвардии старший сержант.

Сырдарьинская область, Гулистан.

В. К. Самохин, Берлин, 7 мая 1945 года.

Н. С. Васильев. Альтенбург, 9 сентября 1945 года.

ИХ ИМЕНА?

О ТАКОЙ ДРУЖБЕ МЕЧТАЛИ

Наши летчики корпуса Ставки Верховного Главнокомандования тоже получили приказ прибыть на митинг к Бранденбургским воротам. Выехали на рассвете с аэродрома «Альтено» — километров сорок юго-восточнее Берлина.

Е. Халдей совершенно прав, когда утверждает, что на вопрос «Откуда вы, солдаты?» ему ответили: «Мы пришли от Сталинграда, а мы от Курска». Действительно, от Курска, точнее, от Старого Оскола, с нами двигались две танковые армии — Рыбалко и Лелюшенко и пехотные части, прорвавшие линию фронта за Обоянью, Щегольковом, Прохоровкой...

Вы правы: «Не было солдата, который не мечтал бы закончить войну в Берлине». Вот нас и направили в Берлин, дав нам фотографа. Мы сделали несколько снимков у Бранденбургских ворот.

И еще у дымящегося рейхстага перед входом в парадные двери. На стене капитан Сташко написал углем: «Одесса — Берлин! Смерть фашизму!» — и мы все двадцать три человека расписались. К середине дня появилось солнце, и мы скинули шинели. Посылаю снимок, который сделан на том самом месте, где проходил митинг 2 мая. Танка уже не было, валялся только разбитый немецкий миномет да ящики от снарядов. Фотографировал нас боец Мысловец В. И.

* * *

Передайте мой горячий привет редакции журнала «Фрайе вельт», который в № 29 за 1973 год поместил интервью об одном нашем исследовании. К нам приезжала бригада корреспондентов во главе с Гизелой Реллер. В результате во «Фрайе вельт» появилась обширная информация и много фотографий.

Мы, освобождавшие Берлин, мечтали о такой вот дружбе, основанной на пролетарском интернационализме.

В. РУЖЕЙНИКОВ,
доцент Одесского государственного университета.

ЕЩЕ НЕ СВЕРНУТА КАРТА

Наш 279-й артиллерийский полк в составе 5-й артиллерийской дивизии РГК штурмовал Берлин.

Непосредственно вели огонь на подступах к Берлину и по рейхстагу.

На снимке стоит студебеккер с гаубицей. Возле него группа офицеров и солдат, среди них — наш командир подполковник Загорулько. На лафете орудия развернута карта, уточняется маршрут дальнейшего продвижения. В то время я был заместителем командира полка по технической части. Мой командир был волевой человек. Я с ним прошел с 1942 года, участвовал в боях еще на Курской дуге.

В. ПЧЕЛКИН

Ленинградская область, станция Войбокало.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Последний выстрел наша гвардейская часть сделала 30 апреля, и вот впервые мы зачехлили наши гвардейские минометы — знаменитые «катюши», и, естественно, каждый хотел видеть плоды усилий, обеспечивших взятие рейхстага.

Я был парторгом I-го дивизиона 5-й Ленинградско-Берлинской бригады орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого. За бои в Берлине награжден орденом Красной Звезды.

Когда город был уже взят, отдельные фанатики продолжали стрелять из-за углов, с крыш. Я направился к рейхстагу. Так оказался на митинге. На снимке я стою у танка. Помню, воины рассказывали, как вели последние бои в городе.

Мы просили фотографа опубликовать снимок, чтобы родные и близкие узнали нас.

У меня сохранилась фотография — одна из первых, сделанная уже в мирные дни, посылаю ее вам.

Несколько слов о себе. Война застала меня студентом ленинградской лесотехнической академии. Воевал под Смоленском, оборонял Москву, освобождал Варшаву. Потом бои за Кольберг, Кюстрин и, наконец, штурм Берлина в составе 5-й ударной армии Берзарина.

Сейчас работаю начальником нормативно-исследовательской станции.

Л. МАЙОРОВ

Грозный.

М. М. Жарищев. Альтенбург, 30 октября 1945 года.

ТРИ ТАНКИСТА

Спешим поделиться своей радостью: на снимке узнали Засорина Виктора Григорьевича — сидит в центре на танке. Посылаем его фотографию 1945 года. Тогда он был танкистом, командиром орудия, ныне живет в Саратове. У него два сына. Оба отслужили в армии. Как и отец, были в танковых частях: один — механик-водитель, другой — радист. Так что в нашей семье три танкиста.

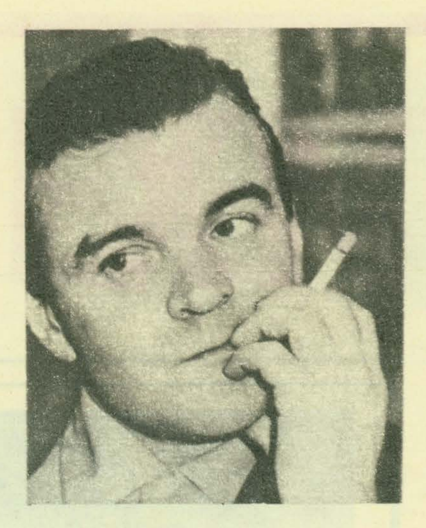
С искренним приветом

ЗАСОРИНЫ

Саратов.

Виктор Григорьевич Засорин (слева). Снимок сделан осенью 1945 года.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что же было тогда?..

Четыре долгих года набирая сумасшедшую скорость, поезд войны ворвался в Германию, как бы вонзаясь раскаленными колесами в каменный тупик огромного поверженного Берлина, торчащего из горячей земли мрачными скалами обгрызанных бомбежками домов с чернеющими глазницами окон, наглухо закрытыми подъездами, где мертво остановились лифты, где на площадках лестниц не пахло из затихших квартир немецкими супами и не слышно было ни шагов, ни стука двери, ни обыденно-приветливых голосов раскланивающихся в подъезде соседей, ни этих вежливых «данке шён», «битте зер»— везде стыла сумеречная тишина пустыни без единого во всем городе выстрела. Последняя оборона Берлина — рейхсканцелярия и рейхстаг пали. Все было кончено. Несколько дней неистово бушевавшие в городе пожары понемногу стихли, всюду нехотя рассеивались угарные дымы, и, словно из кроваво-аспидного месива, постепенно выявлялись площади и улицы, загроможденные угольными телами обгорелых танков, развороченными баррикадами, поваленными на исколотый снарядами брусчатник трамваями, и проступали тенями согнутые фонарные столбы, завалы обугленных кирпичей, еще теплых, еще курившихся. И на опустелых мостовых, перед баррикадами и за баррикадами, на перекрестках и углах центральных улиц, зияющих проломами витрин, под полусорванными пулеметными очередями вывесками магазинов и

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Первая часть романа Юрия Бондарева «Берег» опубликована в журнале «Огонек», в №№ 45—50 за 1974 год.

БЕРЕГ

парикмахерских, возле которых сверкали груды расколотого зеркального стекла, вблизи сожженных машин, бронетранспортеров, исковерканных орудий валялись расплющенные гусеницами цилиндры немецких противогазов, смятые каски с темными знаками орлов, зловеще раздавленные велосипеды, переломанные детские коляски, клочки камуфляжных плащ-палаток, серые русские ватники, обрывки грязных бинтов, распростертые плоскими змейками, автомобильные скаты, разбросанные взрывной волной; и кое-где среди обвалившейся на тротуар, остро срезанной чем-то стены можно было видеть в обломках мебели затянутое кирпичной пылью пианино, его по-мертвецки разъятое, беспомощно ощеренное струнное нутро, а над хаосом разрушения на верхнем этаже оставалась часть квартиры, часть стены, темнели прямоугольники на обоях от недавно висевших там фотографий, и люстра, чудом уцелевшая, стеклянным пауком покачивалась на паутине проводов меж пробоин потолка.

Весь этот огромный зловещий город, сплошь каменный, в течение нескольких дней, содрогаясь смертельными судорогами, оскаливался огнем и будто извивался в дыму, озлобленно вскидывал толстые багровые щупальца танковых выстрелов, тонкие плети пулеметных очередей, хлещущих по пролетам улиц, выбрасывал реактивные молнии фаустпатронов из угрюмых квадратных глазниц подвалов — он выл, кипел, конвульсивно корежился, гремел, захлестнутый пожарами, еще втягивая в себя, пожирая, как гигантский молох, последние жертвы, он погибал, но еще выказывал свои девизы, свою неутоленную жадность к человеческой крови подтверждающими знаками на остатках собственной плоти — на стенах домов, на мостовых, на заборах — «Berlin bleibt deutsch!», «Schlag neun Russen tot!», что означало: «Берлин останется немецким!», «Убей девять русских!».

Лишь 2 мая сникли пожары, но в воздухе висел горячий пар, напитанный удушающими запахами пепла, бетонной пыли, тяжкой горькостью жженых кирпичей с примешанным приторно-сладковатым душком где-то погребенных под развалинами трупов. Вверху обозначенных после буйства огня каменных коридоров, над закопченными улицами свисали зацепившиеся за балконы обрывки простынь, белых тряпок, слабый ветерок шевелил их и шевелил в черных провалах золу холодеющих пепелищ, бумажный мусор на засыпанных стеклом мостовых, покачивал оборванные электролинии, вытянутые к тротуарам с крыш, закрученные кольцами вокруг разбитых фонарей.

Но так по-весеннему солнечен, мягок был тот майский день, так сияли, круглились в высоком голубом небе облака, такая шла по нему неправдоподобная тишина, такое распространялось по городу чудовищное безмолвие, что до боли наполнялся, плыл звон в ушах, и казалось, не было нигде в этом поверженном городе ни одного вооруженного солдата, ни обывателя.

Однако это было не так. Берлин, занятый солдатами, танками, орудиями, машинами, повозками, командными пунктами, хозяйственными частями, саперами, связистами, спустя три часа после завершающего выстрела возле забаррикадированных Бранденбургских ворот, в каком-то неожиданном оцепенении погрузился, как в воду, скошенный ничем не оборимым и оцепеняющим сном.

Это было почти повальное наваждение сна, не подчиненное уже сознанию, которое в неистовстве многожданного облегчения кричало, верило, ликовало, что кончилось последнее сопротивление в Берлине, последняя крепость — рейхстаг пал, и солдаты, бравшие Берлин, вроде бы остановились на бегу с неразжатым предельным напряжением, пьяные возбуждением, свершившимся наконец счастьем, ошеломленные тишиной. Все, пошатываясь, расстегивали пропотевшие воротники гимнастерок, трясущимися от усталости пальцами сворачивали цигарки и тут же со слипающимися глазами, иные даже не докурив на солнцепеке, валились под колоннами у нагретых ступеней рейхстага, на песчаные дорожки, на каменные плиты молчаливых кирх, на ковры богатых особняков, на постели брошенных квартир, валились, не раздеваясь и не откинув толстых стеганых бюргерских одеял, спали в танках и на снарядных ящиках, сидя на станинах орудий, стоя у котлов кухонь в неловких позах, лежа грудью на столах, на подоконниках,— пружина, сжатая четырьмя годами войны, наконец освобожденно разжалась, и ее крайней точкой окончательного разжатия был не еда, не глоток воды, а сон.

Сон этот, посреди еще местами дымившего Берлина, продолжался несколько часов, и хотя бессонно работали только командные пункты, беспрерывно передавая в соседние армии, в Москву весть о прекращении огня в центре «логова», о падении рейхсканцелярии и рейхстага, о самоубийстве Гитлера, никто из через силу бодрствовавших строевых или штабных офицеров не нашел бы в себе человеческой воли поднять скошенных усталостью солдат, отдать приказ прежним командным голосом, никто сейчас не имел на это права.

Облитый теплым майским солнцем с бездонного сияющего неба, затихший Берлин глубоко спал, и, как в затянувшиеся ночные часы, повсюду наглухо закрыты были подъезды, опущены металлические жалюзи баров и уцелевших витрин, но в сумрачно затаенных квартирах чужие испуганные глаза жадно и быстро приникали к щелям ставен, должно быть, веря и не веря в то, что видели на улицах своего старого немецкого города. Нигде уже не было видно былого масленого блеска, утренней чистоты вымытых мостовых, на всей скорости скользящих по этому блеску длинных машин генерального штаба, педантично выбритых патрулей, офицеров в плащах с пелеринами; нигде уже не было обычных ежедневных прохожих, приподнимающих шляпы при встречах, покупающих в киосках свежие газеты, и молоденький, хорошо причесанный, веселый кельнер в белоснежном переднике уже не нес на подносе кружку холодного янтарного пива, не перебегал деловито улицу от ближнего бара к парикмахерской, где брился какой-нибудь любитель разнеженно отдохнуть в кресле после душистой мыльной пены на щеках, мягкой бритвы, кельнской воды, после горячего компресса, приятно распарившего кожу лица.

Прежнего добропорядочного, строгорежимного и размеренного Берлина не было.

Батарея, в которой Никитин командовал взводом, наступала вместе с пехотой восточнее Тиргартена по направлению к бункерам рейхсканцелярии, метр за метром продвигалась по широкой аллее, мимо какого-то глухого забора — с той стороны сквозь отдаленное гудение танков жарко и часто рассыпалась автоматная пальба, простроченная грубыми очередями пулеметов. И раза два почудилось,— донесся оттуда дикий утробный рев (так не мог кричать человек), и вездесущий подносчик снарядов Ушатиков, белобровый, длинношеий парень, по причине наивности не перестававший всему удивляться, подбежал к Никитину и, испуганно вытаращив голубиные глаза, сообщил, что в проломе забора вроде видны под деревьями клетки со зверями, и, кажись, слон на горке с поднятым хоботом ходит, а танки наши, похоже, без выстрелов по дорожкам продвигаются, но по ним фаустники и автоматчики спереди лупят, и «тридцатьчетверка» перед мостиком горит.

Никитин по разговорам знал, что левее их дивизии введены в бой танки генерала Катукова, и в тот момент, когда Ушатиков сообщил о появлении «тридцатьчетверок» в зоопарке, почувствовал вдруг свои орудия вблизи бункеров и подумал только: «Рядом».

Двое суток через проломы в домах, по навалам кирпича и щебня в бывших квартирах, через обваленные балки перекрытий батарея на руках подтягивала орудия до района «Zoo». Северо-западные подходы к зоопарку простреливались днем и ночью мощными точками обороны на углах забаррикадированных улиц — проскочить на машинах было невозможно. А когда наконец выкатили первые орудия на влажную прошлогоднюю листву огромного парка, еще сырого, сквозистого, пахнущего осенней прелью, но уже молодо и нежно зеленеющего листочками, когда открыли огонь по ближним самоходкам, стоявшим полудугой за кустами, всю батарею охватило неудержимое сумасшедшее неистовство.

Самоходки, медленно пятясь, отходили в чащу по каким-то знакомым им дорогам, вновь выползали на перекрестки аллей, пехота впереди залегала и подымалась, рассачивалась меж деревьев, автоматные очереди, беглые раскаты орудий срывали с сотрясаемых ветвей молодую листву, и дым выстрелов самоходок и выстрелов батарей, поспешно мелькающие в нем кометы разрывов сплошь скрыли черно-лиловой наволочью небо над парком, и потерялся отсчет времени — утро было, день или сумерки, и появлялась отчаянная мысль, что потонувший в непробиваемой мгле этот парк не в центре Берлина, а отъединен от всего мира, что впереди нет нашей пехоты, нет никакого продвижения, нет ничего, кроме огня, грохота, лязга и дыма... Изредка уловимое гудение танков за бетонной оградой, дикий животный рев оттуда, и оскалы пламени во тьме аллей, и жирно дымившие на перекрестках троп самоходки, и упругое дрожание земли, вздохи, сопение, завывание тяжелых снарядов на разных воздушных этажах зачерненного поднебесья, и бесконечные молотообразные удары разрывов в близком городе, недалекие строчки очередей — все это смешалось, задержалось, не изменяясь, на одном месте, там, где должна была быть недосягаемая орудиями оборона немцев и где ее не было.

Но вечером около орудий возникли неожи-

данно люди, двое мальчишек-связистов из пехоты. Они с треском катушек, с живой перекличкой, будто и немцев нигде не было, протягивали в потемках неизвестно куда линию; пробегая мимо расчетов, закричали что-то озорное, грубое, подначивающее артиллеристов, разглядев не лица, а черные, в пороховой саже маски вместо лиц, и, несдержанно хохоча, сообщили, как выстрелили: «Наши в бункерах! Во дворе одни мертвые фрицы! Хана там им полная! Оттуда на капэ связь тянем! А Гитлера, усатого черта, не нашли там!»

И молниеносно пропали в темноте, прокладывая тонкий провод по ветвям деревьев, а Никитин, до тошнотного предела изнеможенный нескончаемым боем, вчерашним выкатыванием орудий через проломы в домах, как-то потерял сразу, увидев связистов, азартно подгоняющее желание посмотреть ненавистную и долгожданную полосу сопротивления немцев, уже захваченную пехотинцами.

— Спать,— еле ворочая языком, безголосо выговорил он.— Кто хочет, принести воды, умыться и спать. До приказа.

Он так и не увидел эти бункера рейхсканцелярии. На рассвете, по холодку, его разбудили шум мотора, голоса — и он тревожно вскинулся на расстеленных под орудиями ветвях, отбросил шинель с головы. Рядом стоял часовой, наводчик третьего орудия Таткин, продрогший на ветерке парковой сырости, и зябко улыбался двойными заячьими губами в пшеничные усы, отпущенные, вероятно, для того, чтобы скрывать этот дефект.

— Что? — крикнул Никитин.

— Командир батареи прибыл,— ответил Таткин, покашливая и согреваясь нелепым приплясыванием.— Гранатуров-то наш... Да еще кухню приволок на автомобиле.

Вокруг было необычно тихо и светло. Нигде не раздавалось ни одного выстрела. Взвод спал между станин на брезенте, прикрывшись шинелями. А посредине аллеи, неподалеку, за орудиями, поблескивал новенький трофейный «оппель» с прицепленной кухней, уютный дымок струился под деревьями, и старшина батареи, быкообразный, неповоротливый, напруживая багровую шею, отвинчивал на пару с поваром крышку котла, видимо, очень горячую — оба то и дело отдергивали руки, мотали пальцами. И, похрустывая влажными листьями на газоне, от «оппеля» крупными шагами шел командир батареи, старший лейтенант Гранатуров, поправляя мощными плечами накинутую длиннополую шинель, а из-под полы высовывалась перебинтованная кисть на марлевой перевязи. Матовое его лицо, заметное щегольскими косыми бачками и крючковатым носом с крутым вырезом ноздрей, всегда как бы готовое разозлиться, было сейчас оживленно. Он крикнул грубовато-весело:

— Никитин, жив? Штаб обороны Берлина взяли, а вы как на перинах дрыхнете, сундуки-лошади! Ну и батарея у меня! Подъем! Всем жрать! Старшина, раздай трофейный шнапс для бодрости духа да так накорми, чтоб животы трещали! Ясно? Небось, думал, Никитин, руку мне царапнуло, так я в госпиталь лягу? Ни хрена подобного! Перевязку сделали, укольчик в задницу всадили от столбняка на всякий случай, а потом в один дом на ночь спикировал, и — вот, как видишь, на «оппеле» прикатил с кухонным прицепом, ха-ха! А по дороге в зоопарк и на капэ полка закатил! У тебя, сразу вижу, связи с ним нет! Дьяволы-лошади, без меня-то вздохнули, видать! Где Княжко?

Гранатуров два дня назад был ранен на прямой наводке при обстреле занятой немцами станции метро на берегу Шпрее, оттуда был отправлен в медсанбат, и лейтенант Княжко, командир первого взвода, остался за него. Никитин, окончательно разбуженный рокочущим голосом комбата, хотел было доложить о продвижении взвода через проломы в домах к Тиргартену, о вчерашнем бое с самоходками, о том, что лейтенант Княжко, командуя своими двумя орудиями, находится справа на соседней аллее. Но Гранатуров слушать не стал. Он отсек его доклад взмахом здоровой руки и, глядя на зашевелившихся между станинами солдат, не отвел, а толкнул Никитина в сторону от орудий, сказал вполголоса, что — без бинокля видно — Берлину крышка и, по слухам в штабе, дивизию, надо полагать, будут выводить куда-то из города, поэтому на всякий случай приготовиться к маршу. И, сказав это, зашагал к солдатам, а они, донельзя вымотанные вчерашним боем, не отдохнувшие, спросонок кряхая, сплевывая, прокашливаясь, закуривали щедро раздаваемые старшиной немецкие сигареты, глазели на трофейный «оппель», на прицепленную к нему кухню, и уже кое-кто, взбадриваясь, начал позванивать котелками.

— Ну что, что, ребята, возитесь, как жуки навозные? — крикнул Гранатуров.— Небось, по самоходкам стрелять — это вам не среди львов атаковать! Не ясно? — Он превесело выругался.— По дороге мы тут со старшиной в зоопарк завернули! Львы, стервецы, до сейчас по дорожкам расхаживают, волки вокруг слона стаей бегают, а бегемот в бассейне лежит с миной в животе. Вот где хлебнули славяне! Самоходки не в счет, ерундовина! Так или нет?

Слова Гранатурова о выводе дивизии подтвердились. В полдень второго мая был получен приказ — артполку сняться и двигаться по шоссе Берлин — Кёнигсдорф. Никто в батарее не знал причины спешной перегруппировки и, поговаривая об отдыхе, ехали по улицам Берлина в странной, опустившейся на землю тишине, такой пронзительно огромной, такой невероятной посреди голубого неба, обглоданных домов, дыма и развалин, что казалось, оглохли все.

«Их вайс нихт, вас золь эс бедойтен, дас их зо трауриг бин... Ди люфт ист кюль унд эс дункельт...» Черт, а как же дальше? Забыл. Кто это написал — Гете или Гейне? Лорелея, какая-то сказка о Лорелее!.. Кажется, с распущенными волосами сидела на скале, на берегу Рейна, а вокруг была потрясающая тишина и струились волны. А она зачем-то пела, и, по-моему, что-то грустное. Да, да, что-то такое грустное. Так кто же написал в конце концов — Гете или Гейне? Все забыл, вот молодец! В каком это учили классе? В восьмом или в девятом? Ах, какой умница, какой молодец, какой знаток немецкого языка! «Хенде хох», «нихт шиссен», «шнеллер», «шайсе». Ну это я знаю и весь мат немецкий знаю! Прекрасно, герр лейтенант! Итак, как же спросить, положим: вы читали сказку о Лорелее? Или, например, сколько стоит кружка пива?»

Никитин, нежась в постели под пуховой периной, листал разговорник, дурашливо разговаривал с самим собой и наслаждался прохладой, утренним покоем, розовеющими бликами на потолке немецкой уютненькой мансарды, где он спал один, отдаваясь часами благостному после сна ничегонеделанию. Целые сутки ему не нужно было беспокоиться о чем-то, отдавать необходимые распоряжения, лично проверять посты ночью, что нужно было обязательно делать на передовой, ожидать требовательного телефонного звонка, внезапного приказа, вызова к командиру батареи перед наступлением или перед маршем. Целые сутки стояли в маленьком городке Кёнигсдорфе, километрах в пятидесяти от Берлина, отведенные на отдых в сторону от главных событий, где-то еще происходивших, и дальний, чистенький городок этот, красно и весело сиявший черепичными кровлями, острием каменной кирхи, весь солнечный, провинциальный, весь в белой пелене зацветающих яблоневых садов и ранней, густой, снежно-белой сирени, нависавшей из-за оград над тротуарами, был совсем не тронут войной, не задет ни одним снарядом, ни одним выстрелом. Война прошла мимо него чуть слышимой в отдалении канонадой, дребезжанием стекол, низким ревом советских штурмовиков, лишь дважды прошедших над крышами во время боев в Берлине, как узнал потом Никитин. Но все же, когда артполк вечером входил в городок, угрожающе нарушая сон его соединенным гулом «студебеккеров», улочки были безлюдны, ни единого огонька не зажигалось в зашторенных окнах, и пятнами светлели на балконах траурно спущенные простыни.

Старший лейтенант Гранатуров отдал приказ занять огневые по юго-западной окраине, и Никитин разместил свой взвод в совершенно пустом доме, орудия были вкопаны на открытой позиции, в ста пятидесяти метрах за оградой яблоневого сада, за которым, как огромная вытянутая чаша, обводило окраину городка большое озеро, и был виден за озером темнеющий лес, полоска шоссе из леса, прорезанная меж весенних лугов (направление стрельбы),— там, в лесу, по сведениям Гранатурова, ночами «втихаря» еще шастали фанатичные «вервольфы», остатки разбитых на подступах к Берлину фашистских частей.

Но чувство привычной опасности от передовой, заставляющее спать с оружием на расстоянии протянутой руки, вскакивать при малейшем шорохе даже в состоянии мертвящего затишья,— это металлически острое чувство опасности исчезло по первому утру, смытое реденьким парным майским дождичком, текучей по яблоневым садам деревенской тишиной, солнечным, как радость, теплом на буйно зеленой и сочной после дождичка траве,— и вскоре мирно запахло в городке нагретым камнем, тонко-сладким ароматом сирени.

Целые сутки, каких, пожалуй, за всю войну не было, солдаты отмывались, отчищались, отстирывались, отглаживались, отъедались, разместившись в невообразимой домашней благоустроенности, под добротными немецкими крышами, где поражали аккуратностью чистые кухни, уставленные по полочкам разнокалиберными кастрюльками и баночками, где вконец удивляли отделанные разноцветным кафелем ванные с туалетом, роскошными зеркалами и пушистыми ковриками на полу, где в спальнях были невиданно широкие постели, толстые перины, мягкие подушки,— все представлялось фантастическим, начавшимся вчера праздником, и не верилось, что в нескольких десятках километров отсюда могли быть угрюмые развалины Берлина, пьяный угар горелого камня.

Из штаба полка, из дивизиона не поступало никаких приказов, и, кроме утренней и вечерней поверки, назначений в караул, батарея ничем военным не занималась, жизнь пошла вольно: спокойный завтрак, осмотр орудий, обед, длительный ужин, запиваемый «биром» и «шнапсом», отбой, разговоры о перепуганных фрау вместе с бесконечным курением пресноватых немецких сигарет, смехом, солеными шуточками, подначиванием разговеться немочками, которые кое-кому улыбаться из окон начали, шумная до полуночи игра в карты на трофейные зажигалки, кортики и пистолеты,— и детски безмятежный сон до утра. Война, Берлин, сопротивление эсэсовских частей в Австрийских Альпах, наступление наших армий в Чехословакии, этот фронтовой мир вроде бы незаметно отделился, отошел на тысячи километров, канул в туманную и далекую нереальность, и осталась только действительность — одурманивающая тишина, запахи весенней свежести, солнценосный воздух, наполненный прозрачной синевой, радостная беззаботность отдыха.

В городке еще были закрыты магазины, парикмахерские, пивные бары, но уже изредка на улицах стали появляться пожилые немцы в черных костюмах, вязаных жилетках; сторожко поглядывали они на орудия, на машины, на повозки; завидев же встречных солдат и офицеров, почтительно приподымали над головами фетровые шляпы, издали приготавливали заискивающие улыбки, бормотали с покорностью: «Guten Tag, Herr Soldat!», «Guten Tag, Herr Offizier!»

Никитин, как и все, пребывал в состоянии раскованной и ленивой беспечности, как и все, почти не думал, что ушедшая куда-то к близкому концу война может нарушить этот судьбой ниспосланный батарее покой, поэтому решил от нечего делать изучать немецкий язык по военному разговорнику, выданному офицерам на границе Германии.

И этим ранним утром он с благим удовольствием валялся на постели, разговаривал вслух, перелистывал разговорник и после крепкого сна, без тревог, без вызовов, овеянный этим счастливым покоем, особенно чувствовал свое отдохнувшее тело, свое физическое здоровье, чистое белье.

— «Их вайс нихт, вас золь эс бедойтен, дас их зо трауриг бин...» Так... переводим: «Я не знаю, что это означает, почему я такой грустный...» Вот это я помню,— говорил вслух Никитин, потягиваясь под пуховой периной и оглядывая веселенькую, залитую розоватым солнцем комнатку, оклеенную выцветшими обоями, разрисованными цветочками и листочками, поглядывая на фотографии усатых стариков при котелках и солидных старух в древних кружевных шляпах, на старинный потрескавшийся комод, бельевой шкаф, круглое зеркальце в рамке слева от двери, на столик с чернильным прибором и свечой, прикрытой колпачком, на весь этот кем-то по неизвестной причине оставленный уют.— В самом деле, — сказал Никитин,— мне грустно потому, что я не знаю, кто тут жил. Как это будет по-немецки? Кто — вер. Жизнь — лебен. Ну, а теперь, герр лейтенант, попробуем сложить фразу!..

Фразу, однако, он не сложил: на первом этаже хлопнула, ударила по тишине дверь, кто-то там вошел со двора, затем внизу рявкнула луженая глотка: «Подъем! Прекращай дрыхнуть, славяне!» — и сейчас же послышались заспанные голоса, покряхтыванье, смех сквозь протяжную зевоту, и чей-то тенорок спохватился, воскликнул:

— Ах, братцы, какую я бабенку во сне видел... Стоит она у забора и эдак с прищуром кивает, кивает мне...

— А ты что? Чесался, дурья голова, или действовал? Дальше что было?

— Рас-стройство!.. Всегда во сне как следовает не получается, известно, видение одно! — пояснил зубоскалящий тенорок.— Эх, ребя, гладкую бы какую-нибудь на эту перинку, под бочок, неделю бы не жрал, а только бы... Ты откуда прибег, сержант? Чего загремел? Гулял ночь никак, а людей чуть свет вздымаешь!

И переливистый командный голос сержанта Меженина:

— А ну, бриться, умываться, туалет навести, котелки в зубы — и за завтраком! Медведя давите много! Опухли от сна! Все! Подымайсь! Лейтенанта разбудили?

— Да пусть себе спит, чего ему...

Потом Никитин услышал скрип тяжелых шагов на лестнице, отбросил разговорник, потянул с кресла обмундирование и, быстро надев галифе, отозвался:

— Я встал, Меженин! Входите! Что за спешное дело? Надеюсь, не танковая атака? Нун, битте, херайн! — добавил он по-немецки.— Бит-те!

— Разрешите, товарищ лейтенант?

Вошел командир третьего орудия сержант Меженин, сильный, широкий костью, немного полноватый, в набело выстиранной гимнастерке, хромовые офицерские сапоги и погоны были влажны, как будто только что шел по росе, задевал плечами мокрые кусты. Его лицо с молочным румянцем, густыми ресницами, светлыми и жесткими глазами было бы красивым, если бы не нагловатая полуухмылка, которая что-то отнимала у него слегка попорченными передними зубами. Считали Меженина везучим бабником, неисправимым сердцеедом, повсюду заводившим неизменно удачливые связи, стоило лишь батарее задержаться на день или два под крышами. Он не скрывал этого, носил в нагрудном кармане коллекцию фотокарточек, исписанных трогательными строчками, и, захмелев, порой хвастливо говорил, что коли уж его судьба смертью обманет, то бабы по нему жалостнее жены на всей Украине и Польше поплачут, что-что, а вспоминать сержанта Меженина будут. Но был он и везучим командиром орудия — пришел во взвод в дни форсирования Днепра, ранен не был ни разу, и награды нетрудно находили его, не затериваясь в долгих госпитальных поисках.

Меженин, загадочно щурясь, небрежно бросил руку к виску, усмехнулся:

— Гутен морген, товарищ лейтенант, одно дело к вам есть. Посоветоваться не мешало бы. А?

Никитин посмотрел на сырые сапоги, на потемневшие в росной влаге погоны командира орудия и удивленно спросил:

— Вы что... не спали со взводом? Где вы были, сержант?

— У фашисточек не был. Хотя они, стервочки, сами лезут,— заговорил с дерзкой твердостью Меженин, нисколько не оправдываясь, а только уточняя дело.— Идешь по улице, а они из окон пальцами показывают и жесты всякие...

— И что же? Где вы были ночью?

Никитин взял с кресла ремень, приятно гладкий, отполированный, ощутил теплый кожаный запах и, наслаждаясь прежним чувством здоровья, молодости хорошо выспавшегося человека, затянул ремень на талии. Затем подвинул к боку тоже теплую кобуру пистолета, подошел к зеркалу и стал причесываться, сделав строгое лицо. Ему не хотелось сейчас выговаривать Меженину за явное его отсутствие во взводе без разрешения, портить настроение бодрого весеннего утра, и это была наигранная строгость, чтобы чем-то напомнить о пока никем не отмененной еще дисциплине, несмотря на отдых и бесприказное положение батареи.

Меженин был старше его на девять лет, опытнее, гораздо сильнее физически, обладал умением подавлять подчиненных ему солдат вспышками грубой насмешки, и подчас — один на один с командиром орудия — Никитин испытывал неудобство и раздражение от его выпирающей, незастенчивой силы.

— И что же? — повторил Никитин, кончив причесываться, и увидел в зеркале наведенный ему в затылок светлый независимый взгляд сержанта.— Что хотите ответить, Меженин?

— А я вот хочу спросить... Вы, товарищ лейтенант, в грошах немецких и в часиках кумекаете что-нибудь?

— Не ясно.— Никитин дунул на расческу.— Вы о чем?

— Айн момент, товарищ лейтенант.

Меженин вышел за дверь и тотчас внес с площадки лестницы и опустил на пол брезентовый мешок, не до конца застегнутый металлической «молнией», лиловые остатки раскрошенной сургучной печати висели на суровых нитках в той части сломанной наполовину «молнии», где недавно, видимо, был сорван опечатанный замочек. Меженин присел к мешку и, снизу безгрешно глянув на нахмуренного Никитина, узловатой рукой, на которой виднелась старая синяя наколка «Шура», дернул «молнию». Из раздвинутого мешка вынул несколько толстых, склеенных желтой полоской пачек купюр, положил их на кресло, после чего достал маленькую, изящную коробочку, в каких ювелиры продают серьги и кольца, вытянул оттуда на узком ремешке серебристые часики.

— Гляньте, товарищ лейтенант, штамповка или не штамповка,— сказал Меженин, невинно прикрывая ресницами глаза.— Вы по-немецки малость петрите. Тут на циферблате какая-то фиговина по-ихнему написана. По футляру если... штамповка не должна быть.

— Где вы это взяли? Откуда?

Меженин невозмутимо помотал часами на ремешочке, подышал на фосфорический циферблат, протер стекло пальцем.

— Виноватую голову меч не сечет, товарищ лейтенант.

— Не виноватую, а повинную,— поправил Никитин.— Виноватую как раз и сечет. Ну, так где же взяли?

— Законно все, безо всякого Якова,— снисходительно проговорил Меженин и выпрямился.— На ночь, было дело, оторвался я в полевой госпиталь к знакомым сестричкам, у одной там день рождения, законная, кажись, причина. А расположились они в Фейн или... Штейн...дорфе, хрен его знает... не выговоришь, в деревушке, в общем, километров шесть отсюда. Возвращаюсь, значит, на рассвете, через лес, глядь — справа, за кустами, чернеет что-то, похоже — машина, по виду штабная, разбитая вдрызг. Миной разворотило ее и изуродовало, как бог черепаху. Посмотреть надо бы, думаю, ради такого интересного случая. Подхожу, а в машине барахло всякое и еще ящичек и мешок. Чистенькие. Очень уж любопытно стало, и вскрыл я их. А в ящике — часы, в мешке — пачки грошей. Для удобства двадцать штук часиков в мешок, а остальные там оставил, ящик в кустах замаскировал, чтобы не соблазняло кого. Вот так было дело, товарищ лейтенант. Интересуюсь, что за часики — ценные или дерьмо?

— А документы? Там были документы? — спросил Никитин.— Не взяли?

— На кой они вам — для музея, что ли? Война сегодня или завтра кончается. А вы документики спрашиваете. Ценность-то какая? Дешевле чиха.

Внизу, на первом этаже, все громче, все отчетливее разносились звучные голоса солдат, гремели котелки — оживленная, без серьезных забот, но предприимчивая перед завтраком суета, перед общим сбором взвода за столом, общими разговорами перед дозволенным «шнапсом» или пивом, сполна отпущенными старшиной из трофейных берлинских запасов.

— Все знаете, я вижу, сержант. Что война кончается, ясно. А кто вам сообщил, что именно завтра кончится? Сам господь бог?

— Ноздрей чую, товарищ лейтенант. Для нас тут — все, шабаш, стрелять мы кончили.

— Хотел бы. Но ваше чутье, сержант, еще не аргумент.

Он, по обыкновению, уже говорил с Межениным чрезмерно официально, и это опять была выработанная норма защиты в общении со своим командиром орудия. Его нагловато-самонадеянная усмешка сомкнутыми губами, его с холодной пустинкой глаза постоянно выражали, мнилось, полускрытое презрение к Никитину, этому москвичу-лейтенанту, интеллигентному чисторучке, оторванному от мамы и папы, от сладких барбарисок, от задачек в школе, тогда как сам Меженин за тридцать прожитых лет хлебнул разного опыта через край.

— Посмотрим, какую ценность вы обнаружили, сержант.

Никитин взял новую тугую пачку купюр, увидел под черной печатью изображение орла, «Deutsche Reichsbank 5000» и швырнул пачку в раскрытый мешок, точно камень, не представляющий никакого интереса, потом осмотрел часики, протянутые Межениным, и за кончик ремешка опустил их в подставленную ладонь сержанта, сказал с брезгливым безразличием:

— Ерунда, Меженин. Рейхсмарки ни к чему, можно в печку. Часы — не швейцарские. Пасхальные подарки немецким солдатам. Поняли?

— Ясныть,— насмешливо смежил женские ресницы Меженин.— А может, товарищ лейтенант, рейхсмарки-то к чему? А? Миллион грошей... А?

— Возьмите мешок и идите к взводу,— сказал Никитин, прерывая разговор, и досадливо пощупал белесую щетинку на подбородке.— Думал, у вас дело, а оказалось, пустое. Скажите Ушатикову, пусть принесет горячей воды. Побреюсь и приду завтракать.

— Ясныть,— Меженин надвинул на бровь пилотку, взвалил мешок на скошенное полноватое плечо, вышел, застучал сапогами по лестнице, внизу скомандовал зверским голосом: — Ушатиков! Горячей воды лейтенанту для туалета! И...— Он срезал повелительную интонацию, добавил что-то не вполне расслышанное вверху Никитиным.

На первом этаже фугасным разрывом, сотрясающим стены, грохнул смех, охотно заржали крепкими глотками на ответное чье-то словцо, но в солдатском хохоте, фырканье не было недружелюбия или злобы по отношению к Никитину, он знал это. Весь взвод, выспавшийся, хорошо отдохнувший в тепле и домашней благодати, был расположен к любой шутке, к любой остроте, подхватывая ее общим готом

здорового веселья, то и дело вспыхивающего игривым огоньком.

«А Меженин недобр ко мне»,— подумал Никитин, раскладывая на подоконнике никелированную безопасную бритву, пушистый помазок, складной стаканчик-мыльницу и коробочку острейших золингеновских лезвий — целый набор, предназначенный, по-видимому, в 1943 году быть рождественским подарком для какого-то немецкого офицера вместе с набором датских консервов, изюмом, французским шоколадом и игрушечной картонной елочкой, упакованными в пакетах, которые были взяты в качестве трофеев в одном из товарных эшелонов под Житомиром.

— Что там у вас за смех? — спросил Никитин, когда самый молоденький из взвода, Ушатиков, радостно сияя до ушей, принес и поставил на стул котелок кипятку и тут же неудержимо залился тоненьким смехом.

— Да разве их поймешь, товарищ лейтенант,— заговорил он, прыская в ладонь,— слово какое скажут и ржут.— И Ушатиков побабьи хлопнул длинными руками по бедрам, излучая восторг и удивление.— Хохотуны, смешинка всем в рот попала!

— Остроты знакомы. Идите завтракать,— сказал Никитин, слыша взрывы хохота снизу, и внезапно улыбнулся, зараженный смехом солдат.

Солнце стояло над крышами, не по-раннему жарко припекало подоконник, плечо Никитину, а он с замедленным удовольствием не обремененного заботами человека брился перед зеркалом, чувствуя в раскрытое окно дуновение смолистого теплого воздуха от сосен, и этот аромат трофейного душистого мыла, вскипавшего нежной пеной под щекотными движениями помазка на щеках, и неторопливое прикосновение бритвы, после которой и без того чистая кожа становилась свежей, гладкой, молодой. Бреясь, он всматривался в свое лицо, в блеск выспавшихся глаз и празднично и весело думал, не отпустить ли ему тонкие усики, какие щегольски начали носить еще на Одере пехотные разведчики. Он оставил ради эксперимента до конца бритья светлую, очень реденькую полоску над верхней губой, но усики не придавали его внешности ни солидности, ни безмятежного щегольства; минуту он изучающе ощупывал их, затем сказал вслух: «К черту!» — и решительно отказался оставлять лишнее украшение, что, несомненно, вызвало бы кривую ухмылочку Меженина, его подъедающий возглас: «А лейтенант наш усики отпустил! К чему бы это?»

Закончив бритье, он смочил полотенце горячей водой и, разглядывая себя, обновленного, в зеркале, протер лицо, шею, грудь, испытывая бодрое настроение от прекрасного весеннего утра, и от этого парного компресса, от какой-то звонкости в каждом мускуле и оттого, что никуда не нужно было торопиться, ничего не надо решать, даже серьезно думать, чего нельзя было и предположить сутки назад в пылающем пожарами Берлине.

— Лейтенант, а лейтенант, завтракать,— сквозь пчелиное гудение послышался крик снизу: — Пиво стынет!

И Никитин, причесанный, застегнутый, провел влажным полотенцем по орденам, освежая эмаль, куда въелась пятнышками пороховая гарь, ощущая упругость тела и физическую чистоту, еще раз осмотрел свое лицо в зеркале и сказал опять вслух:

— Все отлично. И все прекрасно.

Когда же он спускался по винтовой лестнице в столовую, галдевшую голосами, и заскользил локтем по гладким деревянным перилам, его вдруг душным ветерком остановила мысль о том, что все это новое, легкое, бездумное, без близости войны, должно вот-вот оборваться, кончиться, исчезнуть, что он, его взвод в немецком городке живут в неправдоподобном и обманывающем тумане счастья, которое не может долго продолжаться. И вспомнил себя, грязного, потного, черного, с ввалившимися худыми щеками, каким предстало его лицо в том же зеркале позавчера ночью, после того, как, расположив солдат в свободном немецком доме, этом неожиданно посланном войной рае, он впервые перешагнул порог занятой им мансарды.

Продолжение следует.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

Микола НАГНИБЕДА

I.

«Каждая встреча с ним оставляла такое впечатление, как оставляет в памяти запах чистого лесного цветка, найденного ранней весной на поляне... Впечатление чистоты и свежести».

Так сказал Максим Рыльский о своем друге Якубе Коласе.

Эти слова в полной мере относятся и к самому Максиму Рыльскому, к его неутомимой и многогранной деятельности.

Поэзия увлекла его с детства. Рыльскому было пятнадцать лет, когда вышел первый сборник его стихотворений. С тех пор он всю жизнь посвятил литературе и стоит ныне в ряду лучших поэтов нашей многонациональной советской литературы. Его творчество обращено в будущее. Оно будет очаровывать и новые поколения читателей мастерством формы, глубиной мысли, гражданственностью поэта, его увлеченностью интересами своего современника, с которым он жил, творил, мечтал.

Вспоминая юношеские годы, Максим Рыльский писал:

«Уже тогда глубоко полюбил я на всю жизнь Шевченко, Пушкина, Мицкевича, троих священных моих учителей, а с любовью к народной песне, кажется, и родился...»

Но не только могучим поэтическим даром славен Максим Рыльский в истории нашей культуры. Он был государственным и общественным деятелем, видным ученым-академиком, глубоким знатоком и исследователем литератур славянских народов, прекрасным переводчиком, языковедом, этнографом, публицистом... В нашей украинской культуре нет такого живого дела, которое не озаряли б мысль и поиск Максима Рыльского.

Всех, кто знал его, радостно удивляло его умение использовать каждую минуту рационально,. умело, с пользой для всех...

Как-то на зорьке мы заехали к Максиму Фаддеевичу, чтобы вместе направиться на аэродром,— вылетали в командировку. Мы застали его в кабинете за работой.

— Рано вы просыпаетесь.

— Вот сегодня как раз заспал я... Оно встало раньше,—показал Максим Фаддеевич на солнце, едва показавшееся над горизонтом.— Сегодня оно меня разбудило, а чаще — я его встречаю,— и, улыбаясь, добавил: — Я как будто с солнцем соревнуюсь...

— Да он и с луной соревнуется,— пошутил сын поэта.— Сегодня лег в два часа ночи...

— И так бывает,— согласился Максим Фаддеевич.— Срочная работа, к отлету хотелось окончить...

Пунктуальность, аккуратность были свойственны ему не только в работе. Он был таким в быту, в любом деле. В этом проявлялось его уважение к людям. А он их любил горячо и открыто. С особой внимательностью, чуткостью относился Рыльский к письмам избирателей, к их просьбам и предложениям. Он внимательно выслушивал их рассказы, принимая ежедневно своих избирателей дома, в академии, в родном селе, на литературных вечерах — всюду, где встречался с ними. Его огромный авторитет — поэта, академика, депутата — не давил на человека, а был надежным щитом против кривды. Его живой и яркий ум, как в поэзии, так и в жизни, не ослеплял человека, а освещал ему дорогу.

Чудесный мастер поэзии, Максим Рыльский весьма ценил людей труда и особенно знатоков своего дела, будь то ученый, слесарь, колхозник, художник. В мастерстве он видел не только воплощение таланта, опыта, но и проявление высокого чувства ответственности перед коллективом, в котором человек живет, перед всем народом.

Встречи с такими людьми наполняли чуткую душу поэта живыми красками, их судьбами, яркими черточками характера трудового человека, над образом которого вдохновенно работал всю жизнь Максим Рыльский. И одновременно, а в этом я не раз убеждался, каждая встреча с поэтом оставляла в памяти собеседника впечатление росной чистоты и солнечной щедрости.

Я помню, как по дороге на Каховку мы увидели в степях Запорожья колхозный сад, который размахнулся на сотни гектаров по равнине.

— Вот это уже памятник рукотворный,— сказал Максим Фаддеевич. А когда садовник поведал героическую, а во многом и драматическую историю этого сада, поэт прочувствованно сказал:— Я взволнован тем, что увидел и услышал от вас...

— Благодарю,— ответил седой садовник.— Вся жизнь моя здесь. Сад — моя забота и мое счастье. И чем больше живу, убеждаюсь: настоящее счастье только в том полезном, что ты сделал для людей...

Рыльский задумался на минуту и тихо, как будто самому себе, сказал:

— Какая точная формула коллективизма и человеческого достоинства...

— А у вас, поэт, разве не так? — поинтересовался садовник.

— Мое счастье и ваше — одинаковое. Хочу сделать для людей как можно больше умного, нужного и полезного,— ответил Максим Фаддеевич и пожал руку садовника.

Это признание не раз звучало и в поэзии Максима Рыльского. В служении народу поэт видел не только свою обязанность, призвание, но и свое личное счастье.

О, не случайные желанья
Меня тревожат каждый миг...—

говорил поэт, который своим взором охватывал необозримый простор нашей Отчизны и понимал всемирно-историческое значение коллективных усилий, титанической деятельности единой семьи советских народов.

На этой высоте жило взволнованное сердце поэта-гражданина, и ему под силу были и размах, и глубина, и драматизм событий,

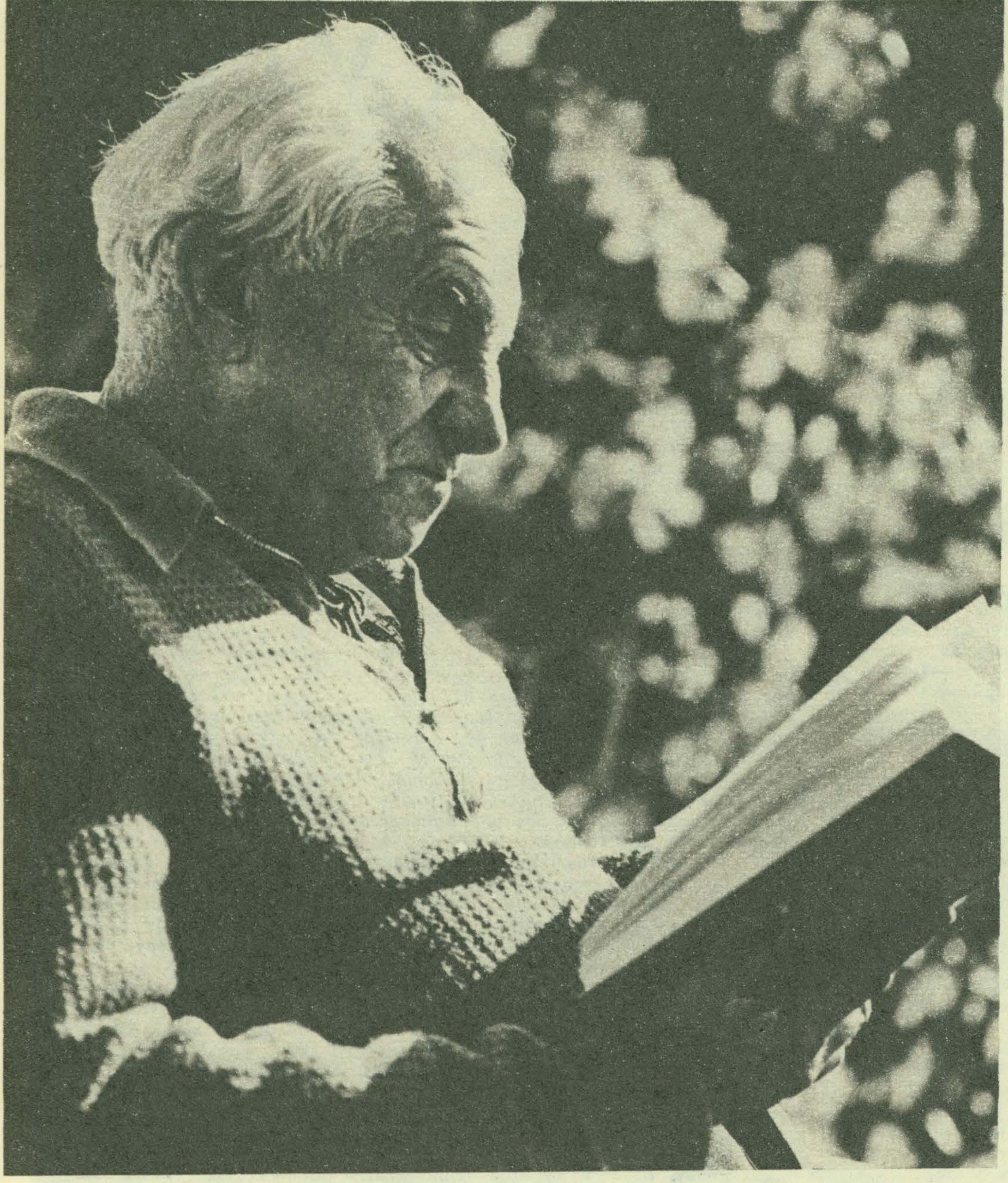

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

и героика бурных десятилетий, которые Максим Рыльский прожил с народом как верный сын его и его певец. И было у поэта чарующее, удивительное умение словом своим будить в людях все самое лучшее, что есть в них сегодня, чем устремлены они в завтрашний день. Не потому ли творческая индивидуальность Максима Рыльского концентрирует в себе лучшие черты украинского народа и одновременно самобытность его поэзии, не оттого ли трепетное ветрило его произведений наполнено духовным богатством всех народов Страны Советов.

Во взволнованной, мудрой и по-настоящему красивой поэзии Максима Рыльского нам слышатся голоса Шевченко, Франко, грация и кристаллическая прозрачность пушкинского стиха, откровение, лиризм и широта народных песен.

«...Разумная и строгая школа жизни и голоса великих учителей — Народа, Партии, Ленина,— писал Максим Рыльский,— сделали из меня... литератора, считающего себя прежде всего слугой народа, человека, в дни великой священной борьбы с гитлеровскими зверями вступившего в ряды Коммунистической партии, твердо пообещав звание коммуниста своим трудом оправдать».

И он это сделал...

II.

В голосеевском доме поэта — теперь мемориальном музее,— в его кабинете висит большая фотография: Максим Рыльский и Остап Вишня на охоте. Тихая радость новой встречи с природой озаряет лица друзей...

Он любил безграничное богатство природы, ее поэзию и, конечно, уважал людей, влюбленных в природу, и особенно тех, чей труд был посвящен изучению ее законов, умному использованию ее неисчерпаемых сокровищ. Перечитайте книги Максима Рыльского — и образы лесников, садоводов, сеятелей и виноделов, как живые, встанут перед вами.

Он объездил всю Украину, почти все братские республики.

Долг гражданина — борца за мир не раз звал Максима Рыльского в чужие страны, за далекие небосклоны.

Я помню, как он искренне радовался тому, что книги советских писателей часто переиздаются за рубежом, и радостью своей как будто направлял друзей:

— Будьте на высоте... Ваше слово слышно далеко-далеко.

Труд, патриотизм, братство народов — это не только главные темы поэзии Максима Рыльского: это лучи его художественного мировоззрения, лучи, пронизывающие все его творчество, волнующее не только нас — земляков поэта,— оно дорого всем людям нашей Родины, всем народам земли, к которым поэт и в последней своей книге «Зимние записи» обращается как недремный боец за мир и дружбу:

Народы мира, люди всех племен,
Любых цветов, любых оттенков кожи,
Пусть шар земной сегодня разобщен—
Восторжествует Истина над Ложью.
. . . .
Я простираю к вам свою ладонь,
Благословляя честное пожатье.
Пусть вечный прометеевский огонь
Горит у вас в душе и сердце, братья!

С чудесной силой эта тема звучала в сборнике «Далекие небосклоны», отмеченном Ленинской премией. От первой до последней страницы в книге бьется горячее сердце поэта — знаменосца дружбы и мира. Его биение мы слышим в стихах, объединенных циклами «Родина», «На братской земле», «Зарубежные друзья», «Книга о Франции», «Рио-де-Жанейро».

Этими чувствами и славен прекрасной поэзии сад Максима Рыльского.

...Я помню, как в только что освобожденном от фашистов Харькове Максим Рыльский читал перед воинами и рабочими «Слово о Матери-родине».

Поэтическое, страстное слово овладело тысячной аудиторией. Каждая строфа вызывала восторг слушателей, овация долго не смолкала, когда поэт прочел:

... Нет! Силы не сыскать такой,
Нет в мире силача такого,
Чтоб наступил на нас пятой,
Чтобы надел на нас оковы.
Ведь Партия ведет нас в бой,
Ее мы всюду слышим слово!

Каждый новый сборник произведений Рыльского был «краще» предыдущего. С его страниц глубже, шире, проникновенней звучало слово, к священной цели зовущее людей большой души, смелой мечты, людей великой энергии, пробужденной в них гением Ленина.

Мы любим музыку, что за сердце
взяла,
И творчество в труде, что стало
повсеместным.
У счастья нашего есть равных
два крыла:
Цвет роз и виноград,
прекрасное с полезным.

Эти два равных крыла высоко подняли и творчество чудесного поэта Максима Рыльского. На этих крыльях он достиг высот благородного служения своему народу.

И он благодарен поэту за его творческий подвиг.

Киев

Й ПОЭЗИИ САД

СЛОВО О ЧУДЕ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью...»

М. Горький

Петроград. Октябрь семнадцатого года. Смольный. Коридоры гудят от солдатских подков, от шагов сотен, тысяч людей. Проходы дворца залиты бессонным светом, прокурены махоркой... Звучат песни, звенят телефоны, стучат пишущие машинки. Смольный бурлит от человечьего прибоя. Черные бушлаты моряков, серые шинели солдат, кожаные тужурки питерских рабочих, бурые зипуны, армяки, тулупы крестьян составляют густой колорит картины, написанной самой Революцией. На этом фоне — суровом и земном, словно зарницы великой грозы, вспыхивают алые, пунцовые, багряные ленты, банты, повязки. В глубине, в сизом дыму горят кумачовые стяги... Незабываемы дни становления государства Советов. Мгновения, до предела спрессованные делами особой важности. Это была пора великих решений. Сам воздух Смольного, казалось, был напоен буревыми ветрами, сотрясался от звуков огромной битвы. Битвы за Советскую власть. В центре всего этого — Ленин!

И вот в эти исторические часы жизни новой России Владимир Ильич, несмотря на архизагруженность делами неотложными, все же находил время заниматься вопросами культуры. Он придавал особое значение книге.

Луначарский вспоминает:

«Владимир Ильич обращал сугубое внимание на все, что имеет отношение к книге. Его с первого дня переворота волновал вопрос о библиотеках и изданиях. В следующую после взятия Зимнего дворца ночь, часа в 4 или 5, он отвел меня в сторону, после того, как состоялось мое назначение комиссаром по просвещению, и сказал: «Постарайтесь обратить в первую голову внимание на библиотеки. Надо заимствовать в передовых буржуазных странах все те формы широкого распространения библиотечных книг, которые там выработаны. Поскорее надо сделать книгу доступной массе». И потом, как бы спохватившись, добавил: «Нашу книгу надо постараться бросить в возможно большем количестве и во все концы России». Так что не о ликвидации безграмотности, как таковой, но о другом, не менее настоятельном вопросе народного просвещения заговорил со мною Владимир Ильич в первый день, когда он в качестве руководителя правительства обратился ко мне, к своему помощнику по народному просвещению,— он заговорил со мной как раз о библиотеках и издательствах».

«Книга — огромная сила». Эти слова Ленина широко известны. Вчитайтесь в строки биографии Владимира Ильича, и вы почувствуете, какое огромное значение он придавал книге, чтению.

Вот что пишет Надежда Константиновна Крупская:

«Ленин проводил очень много времени в библиотеках. Когда он жил в Самаре, он брал очень много книг из библиотеки. Когда приехал в Питер, целыми днями просиживал в Публичной библиотеке, он брал книжки и из библиотеки Вольно-экономического общества и из ряда других. Даже когда он сидел в тюрьме, сестра носила ему книги из библиотеки. Он делал выписки из этих книг. В III томе второго издания Сочинений Ленина установлено, что для того, чтобы написать свою книжку «Развитие капитализма в России», ему пришлось пользоваться 583 книгами. В «Развитии капитализма в России» есть ссылки на эти книги».

17 февраля 1897 года Владимир Ильич Ленин покидает Петербург. Ему предстоит сибирская ссылка. Матери Ленина Марии Александровне ценою больших усилий удалось добиться, выхлопотать разрешение для сына ехать в Сибирь за свой счет, а не по этапу. Это избавило Владимира Ильича от изнурительных кочевок по пересыльным тюрьмам. По пути в Сибирь он заезжает на несколько дней к матери в Москву. Даже эти дни он использует для упорной работы в читальном зале Румянцевского музея, где продолжает собирать материал для книги «Развитие капитализма в России».

18 мая 1897 года из далекого, глухого Шушенского в письме к М. А. и М. И. Ульяновым он благодарит сестру за присланные выписки из книг библиотеки Румянцевского музея.

Румянцевский музей...

В наши дни, когда мы отмечаем пятидесятилетие преобразования Румянцевской библиотеки в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, думается, особенно интересно вспомнить историю возникновения в Москве Румянцевского музея, прочесть рассказ о мытарствах этого собрания в годы самодержавия и о новом рождении библиотеки после Октября. Ибо в страницах прошлого Румянцевского музея, как в зеркале, отразилась вся «многолетняя порча народного просвещения царизмом» и та великая забота, которая была проявлена Владимиром Ильичем Лениным и молодым государством Советов о просвещении народа, о сохранении наследия мировой и отечественной культуры.

Восемнадцатый век. В грохоте екатерининских викторий взошла слава полководца фельдмаршала Румянцева-Задунайского. В 1754 году у него родился сын, которого нарекли Николаем; впоследствии ему суждено стать важным сановником империи Российской — канцлером, министром иностранных дел. Но не эти громкие звания увековечили его имя. Николай Петрович Румянцев был одним из образованнейших людей своего времени и, несмотря на крайнюю занятость делами государственными, успел собрать великолепную коллекцию книг, в том числе инкунабул — первопечатных изданий XV века и древнейших рукописей. Все эти бесценные сокровища мировой и русской культуры помещались в мрачном старом особняке Румянцева на Английской набережной в Санкт-Петербурге. Надо признаться, что сиятельный граф Николай Петрович, несмотря на советы своих близких, и не думал завещать эти коллекции государству; его собрания были, по существу, сокрыты за семью замками, и когда неумолимая смерть наступила, огромное наследство Румянцева перешло к его брату Сергею, человеку весьма недалекому. Но оставим на время столицу и перенесемся в славный первопрестольный град Москву, в котором проживало в ту же пору лицо совсем незначительное в смысле учености и дел государственных, однако по-своему знаменитое. Это был всего лишь отставной гвардии поручик Петр Егорович Пашков, отличавшийся от многих бывших служителей Марса одной чертою — огромным, невероятным состоянием, нажитым им на винных откупах. И вот бывший поручик задумывает нечто необыкновенное. Он покупает большой участок земли напротив Кремля и уговаривает гениального русского зодчего Василия Ивановича Баженова создать дом живописности невиданной. Так в восьмидесятых годах восемнадцатого века на зеленом холме вырастает белое каменное кружевное диво. «Дом Пашкова» стал самым красивым частным зданием Москвы. Хозяин в конце концов покинул грешную землю, оставив роскошный дворец нерадивым наследникам, которые не преминули, елико возможно, дом запустить. Дворец стал медленно разрушаться. В Московском путеводителе за 1831 год можно прочесть: «Огромный 4-этажный дом — образец прекраснейшей архитектуры — ныне только что не развалины... Взойдите во двор, и все, начиная от прекрасных ворот до последней из служб, все покажет великолепие, но великолепие минувшее». Наконец наследники Пашкова продали дворец.

Вернемся вновь на берега Невы. Вспомним, что брат покойного графа Румянцева Сергей Петрович получил в наследство коллекцию в двадцать девять тысяч томов ценнейших книг и более восьмисот рукописей. Трудно поверить, но когда Сергей Румянцев решил отдать это

НА ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКЕ:

1-я страница. Старое здание Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина («Пашков дом»).

2-я страница. Отдел редких книг. «Апостол» первопечатника Ивана Федорова. Книга вышла в свет в Москве в 1564 году.
Отдел рукописей. Портрет Камиллы Ле-Дантю, будущей жены декабриста В. П. Ивашова.
Отдел редких книг. Посмертное и наиболее полное в XVIII веке издание «Басен и сказок» И. И. Хемницера.
Отдел рукописей. Рисунок из семейного альбома кн. Трубецких с изображением карнавальных сцен.
Отдел рукописей. Французский часослов XV века.

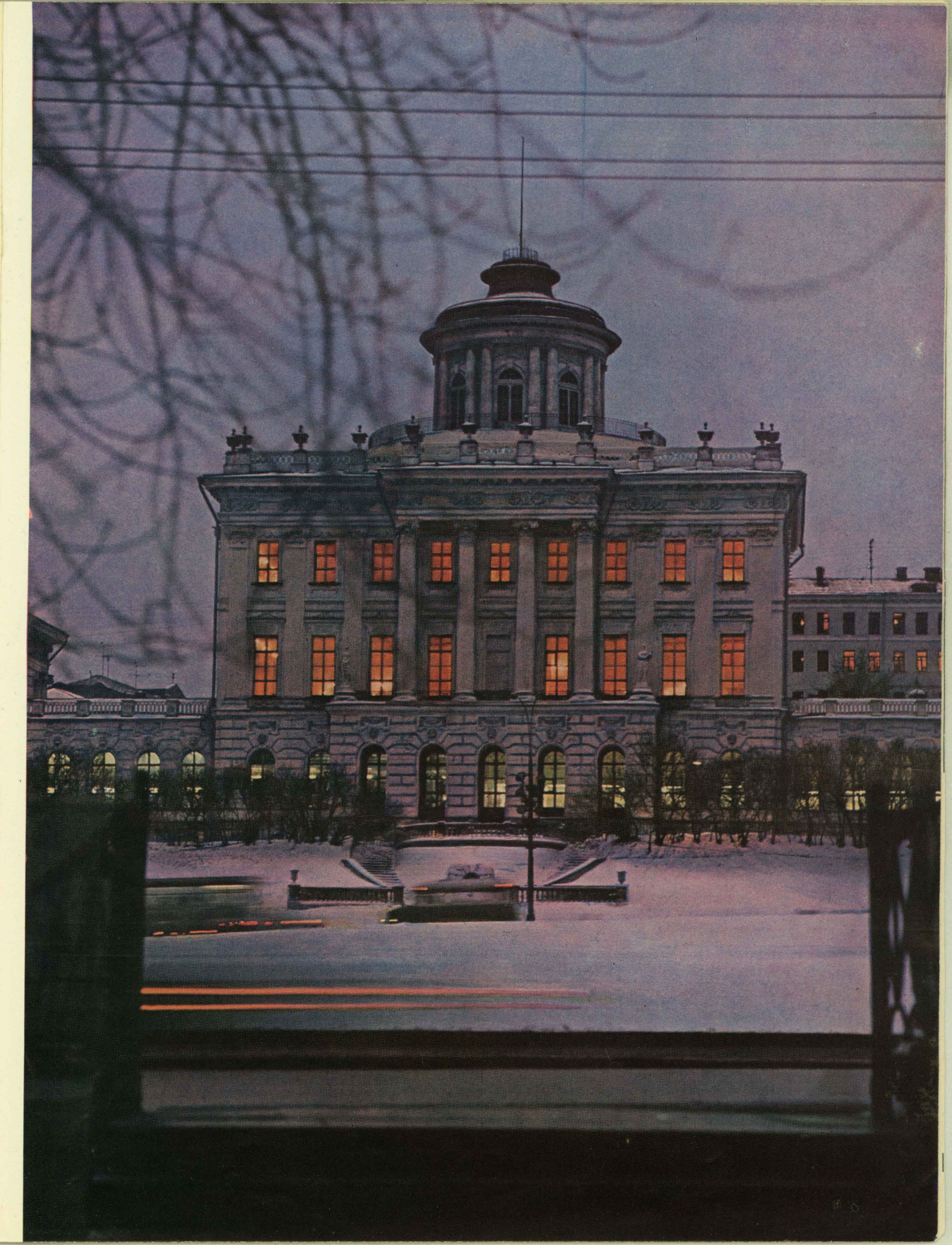
3-я страница. Марина Татарская — работник информационно-библиографического отдела.

4—5-я страницы. Один из читальных залов библиотеки.
6-я страница. Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина.
Профессор Тартуского университета, доктор философских наук Я. К. Ребане работает в библиотеке.
В каталоге библиотеки.

7-я страница. Одна из самых полных в мире коллекций прижизненных изданий трудов великого итальянского ученого XVI века Джордано Бруно.
Главный вход нового здания библиотеки.

8-я страница. Отдел редких книг. В секторе изобразительных материалов собрана богатая коллекция советского плаката.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

БАСНИ и СКАЗКИ
И. И. Хемницера.
Въ трехъ частяхъ.

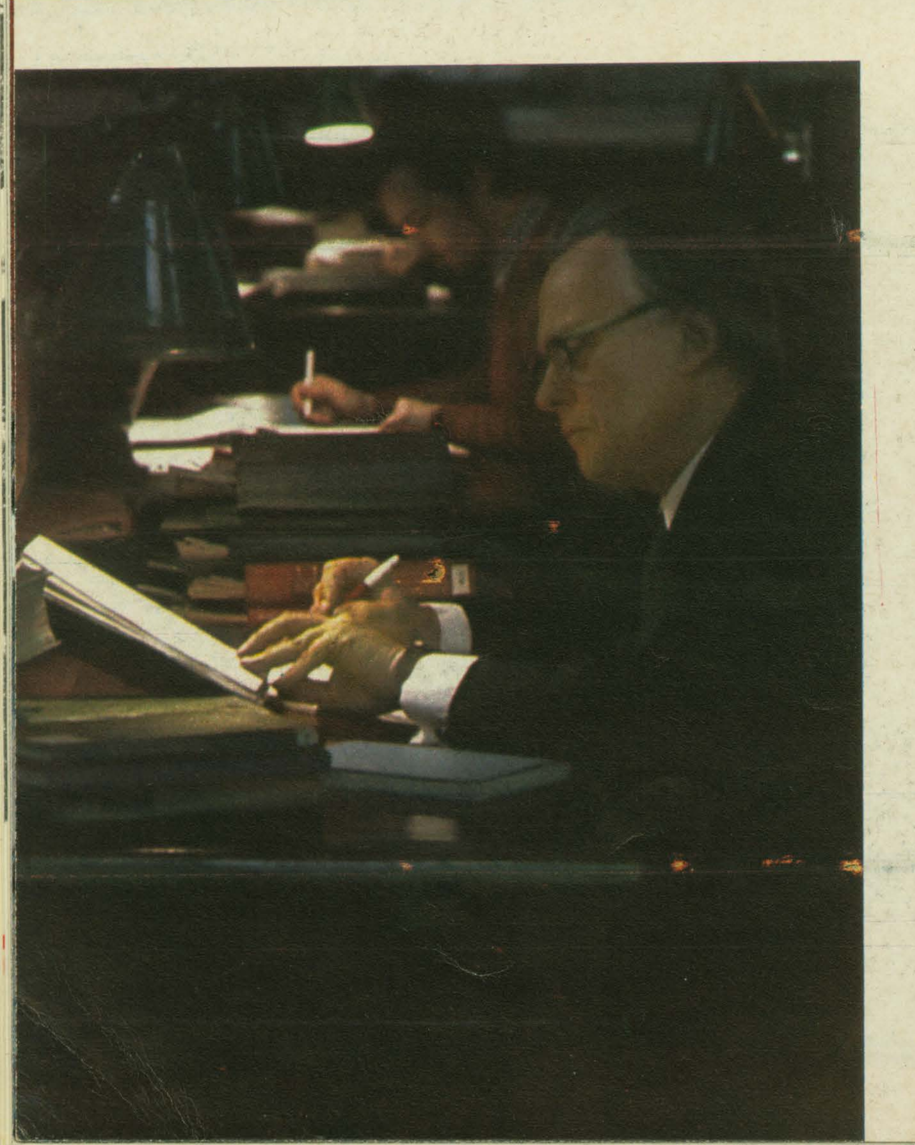

THE BLUE BOOK

Belgique Office
Belkun
Bell
Bellazi

МЫ ТРЕБУЕМ
ВСЕОБЩЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО
ОБУЧЕНИЯ

НА
ОБОРОНУ
СССР

ПОМОГИ

ТЫ
ЗАПИСАЛСЯ
ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

НЕГРАМОТНЫЙ
СЛЕПОЙ
всюду его ждут неудачи и несчастья

ВРАГ У ВОРОТ!!!

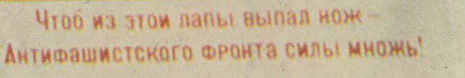

ВСЕ НА ЗАЩИТУ
ПЕТРОГРАДА

УКРАИНЦЕВ и РУССКИХ
ДА НЕ БУДЕТ ПАН

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СОБРАНИЕ

ЯНВАРЬ 1966 г.
НАШ ФЛАГ
МЕЖ ЗВЁЗД
ПОЛОЩЕТСЯ...
В. Маяковский

война

Чтоб из этой лапы выпал нож –
Антифашистского фронта силы множь!

РСФСР

РАБОТАТЬ
НАДО
ВИНТОВКА-РЯДОМ

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!
ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Механизируем
Донбасс

собрание государству, его не так легко было пристроить. Сперва от коллекции отказались пажеский и кадетский корпуса, и надо было указание Николая Первого, чтобы наконец Министерство народного просвещения взяло на себя заботу об организации «Музеума Румянцева». Не обошлось здесь без трагикомических казусов. Комиссия министерства, обследовав особняк, нашла нужным сделать ремонт. Деньги за ремонт пришлось платить... тому же Сергею Румянцеву. Напрасно он писал жалобу: «Когда с соизволения государя императора приношение, мною сделанное министерству просвещения, достигает ценностью до миллиона рублей... мог ли я ожидать, что подвергнусь замечаниям от Вас о недостатках маловажных, какие при сдаче музеума открылись». Все равно пришлось ему передать из рук в руки министру просвещения 34 тысячи рублей.

Таковы были гримасы бюрократической физиономии николаевской Руси. Но напрасно мы ожидаем увидеть «Румянцевский музеум» в идеальном состоянии и порядке. Вот что писал великий Стасов после его посещения:

«Когда, бывало, придешь в Румянцевский музей, тебя обдавало холодом и тоскою, начиная уже с лестницы его и с сеней, где стены были точно в крепости почти в сажень толщиною, и немногие окна, глубоко посаженные, пропускали скудный и мрачный свет, как в тюрьме. Большая зала наверху, когда-то парадная зала графа Румянцева, представляла образец запущенности и разрушения... и когда один из немногих посетителей проходил по этой зале и по другим, с нею смежным, раздавался треск и скрип рассохшегося дерева... Маленькая читальная зала, помещавшаяся в одном из углов бывшей квартиры графа Румянцева, заключала всего несколько столов желтого дерева, с черной кожаной покрышкой вверху, сдвинутых среди тесной толпы книжных шкафов и старинных кресел, тоже желтого дерева, загромоздивших комнату... Никого не интересовали книги графа Румянцева».

Да, трудно было Румянцевскому музею. Газета «Русские ведомости», возвращаясь к прошлому, в 1898 году писала: «В холодных бюрократических объятиях доброго старого времени музей графа Румянцева чах и умирал медленной смертью...»

Директор музея, известный писатель и музыковед, современник и друг Пушкина — князь В. Ф. Одоевский записал 7 октября 1857 года в своем дневнике невеселые слова: «Чем больше смотрю я на мой бедный Музеум, тем больше горе меня берет. Не может он оставаться в настоящем положении. Надобно из него выдти во что бы то ни стало. Вот уж и богиня мира Кановы, придавив дряхлеющий пол, отклонилась от прямой линии, может быть, еще постоит как башня в Пизе, а может быть, рухнет сию минуту».

Владимир Федорович Одоевский пишет докладную записку министру императорского двора, в которой предлагает продать здание музеума на Английской набережной, а на вырученные деньги купить дом в Москве (если нельзя получить казенного) и расположить в оном коллекции музея и из них образовать первое основание Московской публичной библиотеки.

За полгода до этого москвич Николай Васильевич Исаков написал министру просвещения Е. П. Ковалевскому: «Все города империи делают возможные усилия для устройства у себя публичных библиотек, и только Москва, несмотря на сочувствие общества к ее правам владеть подобным учреждением, остается до сих пор в ожидании, не найдется ли кто подвинуть это дело к осуществлению,— эта мысль сделалась... достоянием большинства, не равнодушного к преуспеванию образованного общества».

Случилось диво дивное. Не прошло и трех лет, как 1 июля 1862 года было подписано «Положение о Московском публичном музеуме и Румянцевском музеуме». Александр Второй собственноручно милостиво начертал: «Утверждаю в виде опыта на три года». После чего состоялась описанная нами ранее покупка бывшего «дома Пашкова». Казне это приобретение не стоило ни гроша, как, кстати, ни рубля не было истрачено тою же казною на коллекции Румянцева.

Всюре после открытия Румянцевского музея в Москве выяснилось, что он снова будет существовать нищенски, терпеть нужду. Власть предержащие не отпускали средств, и библиотека должна была существовать на пожертвования доброхеев. Один из историков музея писал: «Вообще недостаток средств и какая-то заброшенность сделались хроническим недугом музея, и печальные атрибуты нищенства обратились в неотступных его спутников на всем пространстве его мученического существования».

Достаточно заметить, что первый читальный зал библиотеки был на двадцать мест. В первые десятилетия жизни музея все работы в библиотеке исполняли четыре штатных сотрудника. Средства на комплектование не отпускались. Фонды пополнялись в значительной части за счет пожертвований, не считая обязательного экземпляра произведений печати, выходивших в России.

И все же библиотека пользовалась огромной популярностью. Ее читальный зал посещали Лев Толстой и Достоевский, Чехов и Короленко, Менделеев и Тимирязев, Циолковский и Ключевский. Вот один из отзывов посетителей «Румянцевки» девяностых годов прошлого века: «Важней университета для меня лично была Румянцевская библиотека с музеем. Это великолепное здание, эта тишина книгохранилищ! Как восхищала эта возможность достать для прочтения все, что хочешь (почти)! Рядом сидит странный старик над фолиантами в пергаментных переплетах; там — барышня делает выписки; поодаль — гимназист переводит Тита Ливия с подстрочником. Мне приходилось получать французские книги с выцветшей надписью: «Из библиотеки гр. Виельгорского», и мне казалось, что я вступаю в личные сношения с московскими кружками 30-х, 40-х годов... Но при этом культурном богатстве какая некультурность! Какое запустение, нерадение, даже варварство. Книги вносят в читальный зал сторожа, изнемогая под их тяжестью, на руках, как кирпичи на постройке; множество книг и журналов остаются без переплетов...»

Читальный зал библиотеки Румянцевского музея посещали многие революционеры. В регистрационной книге за 1893 год, куда читатели записывали свои имена, должности и адреса, осталась собственноручная запись В. И. Ленина: «Владимир Ульянов, помощник присяжного поверенного, Б. Бронная, д. Иванова, кв. 3».

Мы уже писали, что в 1897 году Ленин три дня работал в читальном зале над материалами для своей книги «Развитие капитализма в России».

Велика была тяга молодежи, студентов к библиотеке, но доступ в читальный зал был очень ограничен, не хватало мест. Надо не забывать о том, что «Румянцевка» была единственной государственной публичной библиотекой Москвы, и даже вновь открытый читальный зал на 170 мест никак не мог удовлетворить поток читателей.

А вот что писал в 1908 году библиотекарь музея А. И. Яковлев: «Неужели у русского народа не хватит средств на то, чтобы обеспечить помещением свою сокровищницу, образовавшуюся исторически из пожертвований, не стоившую казне ни одного рубля, растущую в силу стихийных потребностей, в силу роста самого русского народа?!»

Невольно возникает вопрос: неужели только тупость и косность царских бюрократов мешали отпуску средств на расширение библиотеки, ее читального зала? Ответ на этот вопрос дает Владимир Ильич Ленин. В своей вставке к статье Н. К. Крупской «К вопросу о политике министерства народного просвещения» он пишет:

«...у нас министерство народного,— извините,— «просвещения» прибегает к самым отчаянным усилиям, к самым позорным полицейским мерам, чтобы *затруднить* дело образования, чтобы *помешать* народу учиться! У нас министерство *разгромило* школьные библиотеки!! Ни в одной культурной стране мира не осталось особых правил *против* библиотек... Это — вопиющая политика народного *затемнения*, вопиющая политика помещиков, желающих *одичания* страны... Не пора ли тем, кто хочет *помочь* просвещению в России, понять, что деньги жертвовать надо не на подчиненные министерству и подлежащие разгрому библиотеки, а на борьбу за политическую свободу, без которой Россия задыхается в дикости».

Эти гневные строки написаны в январе 1914 года. Только три года и десять месяцев отделяют их от Великой Октябрьской революции.

Даже князь В. Д. Голицын, назначенный царским правительством директором Румянцевского музея в 1911 году, не раз подчеркивал в своих «записках» крайне тяжелое финансовое и правовое положение музея и библиотеки. Вот одно из таких вынужденных признаний: «Румянцевский музей представляет собою исключительное явление у нас в России и редчайшее в Европе. Он принадлежит казне, государству, и состоит в ведомстве Министерства народного просвещения, а между тем на собирание его и на устройство казна совсем не тратила своих денег, да и в настоящее время на пополнение его коллекций, на приобретение книг, редкостей и разных предметов казна не дает Румянцевскому музею ни единой копейки. Он весь собран из подарков и жертв, которые в разное время принесены были государству ревнителями отечественного просвещения, и с этой стороны весь богатейший в настоящее время состав его является сплошным даром, поступившим в собственность государства от щедрот частных благотворителей».

Наблюдая нищету и бесправие библиотек в государстве Российском, Владимир Ильич Ленин со справедливым возмущением писал:

«Наши Гучковы отпустят на это дело только разве грошики. И будут потом хвастаться: «Культура! Культура! Мы на национальную библиотеку тысячу рублей отвалили».

Конечно, никакими пожертвованиями, никакими добрыми делами и пожеланиями нельзя было исправить положение библиотечного дела, состояние народного просвещения в царской России. И поэтому когда мы читаем письмо, появившееся в «Русских ведомостях», подписанное группой работников Румянцевского музея, то испытываем чувство сложное, нас не покидает ощущение гласа вопиющего в пустыне: «Наш долг — еще раз напомнить русскому обществу о том тяжелом положении, в котором находится читальный зал Румянцевского музея — главный жизненный нерв его... С призывом к русскому обществу прийти на помощь его молодежи, его самым свежим и здоровым силам в благороднейшей нужде мы, нижеподписавшиеся, долгом службы приставленные к этому народному делу, и обращаемся. Государство не может помочь скоро. Музей давно привык слышать в ответ на свои просьбы, что денег у государственного казначейства нет, нет и нет. Пусть это великое, это истинно народное дело будет поднято самим русским обществом... Пусть вместо тесной комнаты вырастет обширный храм науки, который приютит несколько сот человек, обеспечит их книгой, светом и воздухом и даст возможность спокойно отдаться научному труду... Музей и его библиотека целиком выросли на частную инициативу. Неужели русское общество и теперь не протянет руку помощи музею, не вспомнит о наболевшей нужде своих детей, ищущих книгу в его читальном зале? С верой в то, что на призыв музея откликнутся нам незримые сейчас люди, мы обращаемся к русскому обществу».

«Храм науки», «наболевшие нужды детей своих». Призывы, призывы, слова, слова... Нужны были коренные перемены, нужно было революционное вмешательство.

Наступил 1917 год. Свершилась Великая Октябрьская революция. Петроград. Первые недели жизни Страны Советов. В городе тревожно. Революционное правительство решает ежедневно, ежечасно дела неотложные, первоочередные, от которых зависит впрямую вопрос жизни Советской России. И вот в один из таких до отказа забитых экстренными делами дней Владимир Ильич Ленин все же находит время, чтобы написать письмо «О задачах публичной библиотеки в Петрограде». Запомните эти слова:

«Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться.

Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо.

Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования...»

Далее Ленин перечисляет в четырех пунктах ряд мер по коренному

улучшению библиотечного дела в Петрограде, которые в равной степени касались также Румянцевского музея и его библиотеки.

Этот потрясающий документ открывается словами «...н а д о у ч и т ь с я», которые поистине стали лозунгом нашей культурной революции. В письме намечена генеральная линия развития библиотечного дела в стране.

Еще в 1913 году Владимир Ильич писал, что необходимо «видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, *как широко* обращаются книги *в народе,* сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой...».

В письме «О задачах публичной библиотеки в Петрограде» Ленин определяет главное назначение государственных публичных библиотек — служить делу просвещения народа.

Итак, невзирая на жесточайшую битву с классовым врагом, разруху, голод, Владимир Ильич выдвигал перед партией, народом в числе первоочередных задач борьбу за народное просвещение, за проникновение книги в массы, за упорядочение, налаживание библиотечного дела.

Какою верою в светлое будущее дышат слова Ленина, сказанные с трибуны Третьего съезда Советов в январе 1918 года:

«Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации».

Мировая реакционная пресса, белоэмигрантская печать публиковали злобные измышления о «гибели культуры в России», «о разгроме Эрмитажа», «разрушении кремлевских соборов», «об уничтожении большевиками сокровищ цивилизации», но молодое Советское государство бережно охраняло художественные ценности, культурное наследие прошлого. Широко известна забота Владимира Ильича Ленина о древностях Кремля, об Эрмитаже и других памятниках архитектуры и искусства. В июле 1918 года опубликован декрет за подписью В. И. Ленина «Об охране библиотек и книгохранилищ».

В нашей литературе немало страниц посвящено описанию спасения золотого фонда республики, где ярко описаны «огненные рейсы» и захватывающие эпизоды борьбы с белобандитами. Однако мало кто знает один из незаметных эпизодов, столь характерных для ленинской повседневной заботы о сохранении культурного наследия России. Вот документ, который не требует комментариев. Он подписан Лениным:

«1 ноября 1920.

Дано сие удостоверение Ученому Хранителю Рукописного отделения Всероссийской Академии Наук Всеволоду Измайловичу Срезневскому в том, что он командирован Правительством на поездку в г. Саратов для провоза оттуда в отдельном вагоне и теплушке рукописей, хранившихся в г. Саратове и принадлежащих Рукописному Отделению Всероссийской Академии Наук.

Предлагаем всем местным железнодорожным военным и иным представителям властей Советской России оказывать т. В. И. Срезневскому и другим служащим Академии, едущим вместе с т. Срезневским, всяческое содействие в погрузке и охране этих рукописей, а также в пути следования.

Железнодорожным властям предписываем, чтобы эти два вагона прицеплялись бы обязательно только к пассажирским поездам, причем вагоны, прежде чем их подать на погрузку, должны быть тщательно осмотрены техническим персоналом, дабы они безболезненно могли дойти до Петрограда без всякой перегрузки или отцепки в пути. Теплушка должна быть оборудована настолько хорошо, чтобы следующие в ней Члены Экспедиции могли бы в ней находиться все время, днем и ночью, без особых лишений.

Военным властям г. Саратова предписываем: в случае надобности дать военную охрану для сопровождения этих вагонов в пути до места назначения, то есть в Петроград.

Председателя Саратовского Исполкома лично просим взять дело этой погрузки и перевозки рукописей Академии наук под свою личную заботу и ответственность.

Ни в г. Саратове, ни в пути следования, ни в Петрограде на ж. д. этот груз не подлежит ни вскрытию, ни конфискации, ни реквизиции и никакой иной проверке, а должен быть доставлен непосредственно в Рукописное Отделение Академии Наук в Петрограде.

О дне отправки рукописей из Саратова донести нам телеграфно».

Думается, что разработка этого сюжета могла бы стать сценарием фильма.

Впрочем, пора вернуться к Румянцевскому музею. В 1919 году штат сотрудников библиотеки был увеличен до 280 человек. В том же году Совет Народных Комиссаров особым решением обеспечивает топливо для «Румянцевки» и приказывает «поддерживать в читальном зале 8 градусов по Реомюру, а в остальных помещениях до 5 градусов». Позже было принято постановление о снабжении служебного персонала Румянцевского музея необходимым количеством пайков. Тем же постановлением было признано право на тарифные ставки работникам по нормам, установленным для предприятий особой государственной важности.

Надо помнить, что эти решения были приняты в годы, когда многие заводы и фабрики простаивали: не было топлива, а продовольственный паек был вопросом жизни.

Колоссальные книжные богатства непрерывным потоком шли в библиотеку из помещичьих усадеб, монастырей, роскошных особняков. В одном из отчетов писалось: «Нахлынула неслыханная волна книг... огромная сокрушительная лавина, перед которой меркнут обогащения Парижской национальной библиотеки во время Французской революции». Только за первые три-четыре года Советской власти в фонд библиотеки поступило до полутора миллионов томов.

В библиотеку пришел новый читатель. Это были рабочие, солдаты, крестьяне, поступившие на рабфаки и в высшие учебные заведения. Перед этим новым пытливым читателем были раскрыты все сокровища культуры и знаний.

Бонч-Бруевич вспоминает свой разговор с Владимиром Ильичем, во время которого Ленин сказал:

— Мы должны показать всему миру, что значит истинная культурная работа в той стране, где власть перешла к рабочему классу, где установлена всерьез и надолго диктатура пролетариата.

Далее Бонч-Бруевич пишет:

«Так вот, еще в то время, когда, казалось, не было ни минуты свободной думать об архивных ценностях, музеях и библиотеках, Владимир Ильич, как истинный хозяин нашего возрождавшегося социалистического отечества, находил время не только обо всем этом думать, но постоянно участвовать в организации собирания этих ценностей и спасения их от уничтожения, проверять все то, что делалось нами, его помощниками, в этой области, и давать ценнейшие общие директивы в этом деле».

...21 января 1924 года умер Ленин.

На заседании коллегии Наркомпроса 24 января 1924 года обсуждался вопрос «о наименовании одного из учреждений Наркомпроса именем В. И. Ленина». Коллегия постановила: «Переименовать Румянцевскую библиотеку в Российскую публичную библиотеку имени Владимира Ильича Ульянова (Ленина)».

6 февраля 1925 года Президиум ЦИК СССР рассмотрел внесенное предложение и принял постановление о преобразовании Государственной Румянцевской библиотеки в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина:

«1. Румянцевскую публичную библиотеку переименовать в Публичную библиотеку Союза ССР имени В. И. Ленина, сохранив при ней отдельный кабинет имени Румянцева...

2. Обязать книжные палаты всех союзных республик доставлять в Публичную библиотеку Союза ССР имени В. И. Ленина два первых экземпляра всех выходящих печатных изданий...»

Прошло полвека.

27 миллионов единиц хранения и 2,5 миллиона посетителей в год — вот показатели Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина — национальной библиотеки Советского Союза, Главной библиотеки страны. За полвека ее фонды увеличились в семь раз, число читателей — в девять раз. По богатству фондов она опережает Британский музей и Парижскую национальную библиотеку и делит первое и второе места с библиотекой Конгресса США.

Четыреста километров — вот длина полок книгохранилища. Это расстояние от Москвы до города Горького. Двадцать два читальных зала ежедневно посещают от шести до девяти тысяч читателей. За год количество выданных книг превышает 12 миллионов экземпляров. Таких показателей массовости не знает ни одна библиотека мира.

Главная библиотека Страны Советов ведет книгообмен со ста странами нашей планеты. Четыре тысячи организаций пяти континентов Земли шлют к нам свои издания. Рост международных связей Библиотеки имени Ленина отражает тенденцию к расширению экономических и культурных контактов, наступивших в связи с борьбой нашего государства с пережитками «холодной войны», за установление длительного и прочного мира.

Советский Союз — крупнейшая книжная держава. За годы Советской власти в СССР издано более сорока одного миллиарда книг на 89 языках народов нашей страны и 56 иностранных языках.

Первое, что поражает зарубежных гостей в Советском Союзе,— это огромное количество читающих людей — в метро, автобусах, в поездах. Советские люди — интернационалисты по духу; в нашей стране любят Данте и Шекспира, Бальзака и Гете, Лондона и Роллана...

Библиотеку имени Ленина называют флагманом армады советских библиотек, их всего насчитывается 360 тысяч. Они распределены по всей территории нашей державы, во всех пятнадцати республиках. В одной Москве четыре тысячи библиотек, из которых двадцать библиотек имеют более миллиона томов.

Каждый день приносит в Главную библиотеку СССР свыше полутора тысяч книг, четыреста номеров журналов, около восьми тысяч экземпляров газет — эти огромные поступления словно отражают пульс издательской деятельности Советского Союза. Исполнилась заветная мечта Ленина: книга — это величайшее из чудес, созданных человечеством за всю мировую историю,— нашла своего самого широкого читателя — народ. Так совершилась грандиозная культурная революция в нашей стране. И немалая заслуга в этом великом и благородном деле принадлежит Главной библиотеке страны, Библиотеке имени Ленина.

Март. Первый месяц весны. Ветер гонит прозрачные облака. Синие тени бегут по сырому асфальту. Напротив Кремля на белом снежном холме — баженовское чудо, «Пашков дом», ныне Библиотека имени Ленина. Ажурная башня этого дома видела пожар Москвы 1812 года, сполохи Великой Отечественной войны. Рядом строгие линии нового здания Главной библиотеки страны. На нас глядят Пушкин и Лев Толстой, Руставели и Шевченко, Белинский и Горький... Гранитные ступени просторной лестницы ведут в читальные залы библиотеки. Десятки, сотни, тысячи людей входят в заветные двери «Ленинки». Они спешат на встречу с книгой. Молодые и старики. Рабочие и поэты. Академики и студенты... Люди ждали этого мгновения, когда после шума и сутолоки города их встретит строгая тишина читального зала и наступит миг, когда зашуршат страницы желанной книги.

Ступени, ступени, ступени. Сияние люстр. Бесконечные желтые соты ящиков каталогов. Полки, полки. И вот наконец тобою избранные книги. Отворяются тяжелые двери. Огромный зал... Мерцающие хрусталлы абажуров. Люди, люди, люди. Шорох, шелест тысяч страниц. Невольный вздох. И тишина. Бегут, бегут блики света по склоненным над книгами лицам, и кажется, что не лампы, а сами книги излучают ровный мягкий свет. Я вижу, как теплеют озаренные лики людей, как идет тот

Четвертый сын Ораздурсун

Шофер ленинградского мостоотряда Виктор Николаевич Шитов недавно вернулся из Средней Азии. О поездке туда он мечтал много лет. Ему хотелось узнать о судьбе фронтового друга Сапара Беглиева, связь с которым прервалась после ашхабадского землетрясения. Шитов посылал запрос за запросом, но все ответы были отрицательными.

Надо ехать самому, решил Виктор. Если не удастся найти Сапара, хотя бы посмотреть места, о которых друг так много рассказывал.

И вот Ашхабад — последний пункт путешествия. Оставив жену устраиваться в гостинице, он поспешил на улицу, где еще из окна автобуса приметил киоск горсправки.

Заполнив листок-запрос, Шитов протянул его девушке в окошке. И буквально через несколько минут у него в руках был адрес... самого Сапара Беглиева!

Отыскав нужную квартиру, Шитов с волнением нажал кнопку звонка. Дверь открыла пожилая туркменка. Она вопросительно посмотрела на высокого незнакомого мужчину. Затем появилась вторая женщина. Лицо ее показалось Шитову знакомым. Она напоминала девушку, что сидит рядом с Сапаром на фотографии, которую тот прислал ему из Ашхабада.

Виктор Николаевич протянул женщинам фотографии. Старая туркменка внимательно посмотрела на карточки, потом перевела пристальный взгляд на гостя. Ее глаза наполнились слезами. Она протянула руки Виктору Николаевичу, прижалась к нему лицом и быстро заговорила по-туркменски.

— Сапар часто упоминал о тебе, Виктор, в своих письмах. Он называл тебя своим братом, писал, что ты спас его от смерти. У меня было три сына. Теперь будет четвертый,— это ты, Виктор. Я знаю: твоя мать не дождалась тебя с войны. Я постараюсь заменить ее,— так говорила старая Ораздурсун, обнимая и целуя его.

Ее взволнованные слова напомнили Шитову день, когда Сапар впервые назвал его братом. Взяв на броню десантников, танковой бригаде предстояло форсировать Березину. Вдруг на боевую машину Виктора обрушилась сильная волна. Когда вода схлынула, Сапара рядом не оказалось. Виктор едва успел заметить его шинель, мелькнувшую в глубине. Ни секунды не раздумывая, Виктор бросился в воду. Потом, когда бой кончился и друзья уже спокойно обсыхали у костра, Сапар признался, что совсем не умеет плавать. Так что помедли хоть немного Виктор, и его другу, его брату это могло стоить жизни.

Были во фронтовой жизни друзей и другие случаи.

В очередной атаке в их танк попал вражеский снаряд. Машина загорелась. Выскочив на броню, Шитов помог спуститься экипажу на землю. Последним из люка показался Сапар. Комбинезон его начал тлеть, по спине бегали огоньки. Подхватив друга, Виктор опрокинул его навзничь, стал катать по земле.

...В дверях появился Сапар. Вместе с ним пришли товарищи по работе в «Каракумстрое». Судьбы друзей и после войны оказались схожи. Оба стали строителями: Шитов строил мосты, а Беглиев строил каналы, которые вели воду в пустыню.

Весть о встрече фронтовых побратимов, нашедших друг друга после тридцатилетней разлуки, разнеслась по всему кварталу. Дверь в квартире Беглиевых в этот день не закрывалась.

— Ведь как бывает,— говорили люди, пришедшие поздравить друзей, разделить с ними их радость,— живут в семье братья, родные, кровные братья, а между собой не ладят. А тут туркмен и русский роднее, чем кровные братья!

Вот и вся история о ленинградце Викторе Шитове — четвертом сыне туркменки Ораздурсун Беглиевой. История о дружбе, рожденной в боях, которая ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Ленинград.

И. ПОДГОРНЫЙ

Беглиевы, Сапар и Огул.

Фото Б. Байбородина.

Шитовы, Людмила Григорьевна и Виктор Николаевич.

«Заслоновец»

На станции Вяземская Дальневосточной ордена Октябрьской Революции железной дороги появился новый маневренный тепловоз «Заслоновец» школы № 20. Пионерская дружина этой школы уже много лет носит имя героя-партизана Константина Заслонова. Когда-то Константин Сергеевич работал на станции Вяземская мастером паровозного депо. Пионеры собирают и бережно хранят документы, связанные с именем своего легендарного земляка. В сквере локомотивного депо установлен бюст Героя Советского Союза К. Заслонова.

Из собранного школьниками металлолома и был построен тепловоз. Водить его доверили бригаде коммунистического труда под руководством машиниста В. А. Игнатьева.

Хабаровск.

В. БЕРЕЗИН

никому не слышный диалог, тот самый заветный, таинственный, колдовской, о котором писал мудрый Свифт: «Когда я читаю книгу... мне кажется, что она живая и беседует со мною».

Книга. Спутник всей нашей жизни. От первого букваря детства до конца дней наших мы неразлучны с книгой. Это самый наш верный друг и советчик. В минуты радости и горя, в часы раздумий и сердечных тревог они рядом с тобою. Всегда спокойно ждущие мгновения встречи, мудрые, молчаливые. Но коснись переплета, открой страницу, и вмиг раздастся тихий голос книги, слышный лишь тебе одному. Мерно тикают часы, бежит время, но ты не замечаешь летящих секунд, перед тобою сонм образов, рожденных книгой, твоя душа полна этой немой беседой. Весь мир, вся бездна истории Земли, вся прелесть встреч с прекрасным — все твое!

Молодой Герцен, выступая в 1837 году на открытии вятской библиотеки, сказал: «Опыт, написанный и брошенный в употребление, есть книга. Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная аутография, которая называется всемирной историей. Но в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящим, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего».

...Выставка «Книжные сокровища», открытая к полувековому юбилею Библиотеки имени Ленина. Смотрю на раскрытую книгу «Апостол», изданную в 1564 году, и ясно вижу доброе, открытое лицо первопечатника Ивана Федорова. Слышу, как шелестит первый лист бумаги, еще пахнущий краской, в его сильных, кряжистых руках... Я гляжу на маленькие томики сочинений Джордано Бруно, на поблекшие страницы его книг, на гравюры знаков Зодиака, на чертежи, и мне вдруг становится слышен его голос, произносящий из далекого далека:

— Умственная сила никогда не успокоится, никогда не остановится на познанной истине, но все время будет идти вперед и дальше, к непознанной истине!

Я смотрю и смотрю на поблескивающие золотом корешки маленьких книг Джордано Бруно, и я вижу, вижу пламя костра, пожирающего вольнодумца и его творения.

На стене листок старой бумаги. На нем слова, набранные крупно: «К гражданам России!» и далее помельче: «Временное правительство низложено».

Первый документ новой эры. Маленький листок пожелтевшей бумаги. До моего слуха явственно доносится грохот рождения новой России, песни и выстрелы, рокот тысячных толп. Я вижу, вижу разлив кумачовых знамен, огненные зори лозунгов, плакатов. Передо мною снова встает Смольный и тот незабываемый Октябрь семнадцатого...

Великая, непостижимая сила слова.

«Когда у меня в руках новая книга...— писал Горький,— я чувствую, что в мою жизнь вошло что-то живое, говорящее, чудесное».

Слава книге!

Татьяна Аверина — абсолютная чемпионка Спартакиады.

На лыжном стадионе.

ШАГИ СПАРТАКИАДЫ

Первые старты VIII зимней Спартакиады профсоюзов были даны в начале зимы, а финиш этих соревнований состоялся лишь в конце сезона, в марте. Ареной борьбы спортсменов тридцати двух тысяч профсоюзных коллективов физкультуры стала вся страна. Четыре миллиона пятьсот тысяч лыжников, скороходов, фигуристов, горнолыжников, саночников, прыгунов с трамплина, биатлонистов, двоеборцев выдвинули из своих рядов 1 800 самых лучших, самых сильных. И вот они-то и приняли участие в финальных соревнованиях, которые прошли в Свердловске, Терсколе, Братске и Горьком. Это и есть массовый спорт, который всегда был главной чертой физкультурного движения Советского Союза и приобрел еще больший размах за последние три года — после введения в нашей стране нового комплекса ГТО.

Столицей Спартакиады стал Свердловск, где любят и знают зимний спорт, и здесь-то и прозвучали имена большинства чемпионов. И самое отрадное заключается в том, что в борьбе с известными спортсменами блестяще проявила себя молодежь, вчера еще занимавшая скромные места во втором эшелоне, а сегодня доказавшая свое право выступать на самых крупных международных соревнованиях.

Уже в первый день лыжных соревнований рабочий совхоза из Орловской области Иван Трофимов стал победителем юниоровской гонки на 20 километров. Золотую медаль Спартакиады по прыжкам на лыжах завоевал слесарь треста «Апатит» Алексей Витченко. Лыжную гонку на 10 километров у сильнейших спортсменок мира выиграла подмосковная гонщица Людмила Кострова. Татьяну Аверину нельзя причислить к новичкам в конькобежном спорте, она член сборной команды страны, призер двух чемпионатов мира, но ее абсолютная победа в Свердловске, конечно, новая строка в ее спортивной биографии.

Невозможно перечислить всех героев зимней Спартакиады, ведь на ней разыгрывалось 49 комплектов медалей. Закончен большой спортивный праздник, продолжавшийся всю зиму, и для того, чтобы подвести его итоги, потребуется еще не один день, а пока вот несколько красноречивых цифр.

В ходе зимней Спартакиады профсоюзов 1 миллион 500 тысяч человек выполнили нормы на значок ГТО. 600 тысяч участников Спартакиады сдали нормы спортивных массовых разрядов. У нас появилось 200 новых мастеров спорта. И, наконец, мы узнали тех, о ком, без сомнения, услышим будущей зимой на Белой Олимпиаде в Инсбруке.

В. ВИКТОРОВ
Фото Ю. ТЕУША.

БЛИЗКО И ЗНАКОМО

Владимир КОСТКО

СОЛДАТСКИЙ КОЛОДЕЦ

Под орудийные раскаты
В военный предпоследний
год
Его здесь вырыли солдаты
Пред тем, как вновь идти
вперед.
Так и живет в степи колодец,
Пусть дождик льет иль сыплет
снег,
К нему спешит и иноходец,
И горлица,
и человек.

Над низким козырьком-навесом
Ночами теплится звезда.
И пахнет чуточку железом,
Как лед, холодная вода.
Характер у колодца братский:
Идет кто мимо, тот и пьет.
Красивым именем —
Солдатский —
Не зря прозвал его народ.
И я стоял здесь в полдень белый,
Облокотясь на старый сруб,
И пил из той бадьи замшелой,
Что помнит жар солдатских губ.
Тугой струей и ныне льется,
Рождаясь в темной глубине,
Вода Солдатского колодца —
Живая память о войне.

* * *

Как будто песня колыбельная,
Что надо мной певала мать,
Спокойно роща корабельная
Над головой звенит опять.

ДОРОГА

Валерий ИСАЕВ

* * *

Я из краев, где влажные луга
По вечерам до боли студят ноги.
И пыль лежит на выбитой дороге.
Деды осипшие в тяжелых сапогах
Сидят у палисадников. Их слушать —
И про дела забудешь и про ужин...
Деды махорку в желтых пальцах крутят
И долго выпускают едкий дым...
А по дороге пыльные следы —
Коров прогнали. Что-то дома будет!
А самокрутка знай себе дымит.
Дед под ногу окурок пухлый бросит.
Пойдет домой,
О чем-то бабку спросит...
Пока закат в реке огнем горит,
Скорей, скорей на мокрые луга,
На огонек, притихший у дороги...
Ах, эти дедовы негромкие слова!
В пыли студеной мягко тонут ноги.

* * *

Что Россия?
Ночью луг негромкий.
И в росе, как в звездах, тополя.

С какой направленною силою
(Сравни нацеленность стрелы)
Уходят гордо в небо стылое
Литого золота стволы.
Шатры ветвей прикрыли просеку,
Теней узорчата кайма.
Не здесь ли Петр потрогал сосенку
И произнес: «Зело пряма».
Известно точно из истории,
В тот самый переломный год
Здесь сосны рублены, которые
Российский породили флот.
Отсюда, из лесного затишка,
Морская слава путь взяла.
Не той ли вот сосны прабабушка,
Став мачтой, паруса несла?
Смотрю в пространство запредельное,
Где звезд веселая игра,
И роща, роща корабельная
Звенит со времени Петра.

ПЕРЕПЕЛКА

Она живет не под кустом,
А прямо на земле горячей.
Она мостит свое гнездо
Так, что увидит и незрячий.
Она в людскую доброту,
Как в щедрость хлебной нивы, верит.

В обиду перепелку ту
Не дам ни птице я, ни зверю.
Пускай растит перепелят,
Живет на свете долго-долго.
Как я тебя услышать рад,
Доверчивая перепелка!

* * *

Сладкий запах молодого сена,
Ласточек стремительный полет.
Кажется, не кровь течет по венам,
А хмельной,
Тягучий русский мед.
И такая на душе истома,
И такая в мире синева!
Все мне здесь так близко и знакомо:

Эта доколенная трава,
Речки серебристая подкова,
Белоствольной рощи узкий клин,
Земляник душистых свет пунцовый,

Заросли береговых малин,
Старый дуб на солнечном пригорке,

И, налитый до краев грозой,
Купол неба, резко перечеркнутый
Белой
Самолетной
Полосой.

ПАЛЕХ

Скачут красные кони,
Вздыбив света струю,
Я держу на ладони
Песню, Палех, твою.
Затуманенной ранью
Я спешил в твою даль,
Чтоб искрящейся гранью
Припечатать печаль.
Ах, спасибо за сказку!
Вот она, за стеклом:
В голубой опояске
Лебедь машет крылом.
А на крышке, под лаком,
В злате и в серебре
Дуб стоит над оврагом
На высокой горе.
И по-прежнему бойко,
Исчезая в снегах,
Скачет гордая тройка.
Алы звезды во лбах
У коней крутошеих,
Сбруе нету цены,
Изукрашены шлеи,
Бубенцы-певуны
То смеются, то плачут,
То задорят грозу...
Изумленный, не прячу
Между пальцев слезу.

* * *

Все это было, было, было...
А. Блок.

Пасется белая кобыла,
Слепит глаза речная гладь.
Все это было, это было,
Лишь повторяется опять.
И эти шустрые стрекозы,
И сизый мох в ногах у пней,
И эти росы, и березы,
И легкий бег осенних дней.
И синь, что дали затопила,
И отблеск ближнего огня...
Все это было, это было,
Все это будет без меня.

БЕЖЕЦК

И. Анчееву

Особой славой не изнежен,
Доволен той, что есть, вполне,
Стоит старинный город Бежецк
В пропахшей льнами стороне.
На плоских крышах мох зеленый,
Дома не так уж высоки,
И две реки лежат средь кленов,
Как две усталые руки.
Пасутся лошади на воле
Средь свежесметанных стожков,
И смотрит в солнечное поле
Из парка бронзовый Шишков.
Связи вдаль промчались стайкой,
Как жирный лещ, блестит луна,
Андреевскою балалайкой
Звенит ночная тишина.
А над «Сельмашем» дым колечком,
И свет лимонный из окна,
И улицы, как будто речки,
Впадают прямо в море льна.

Сейма убегающая кромка —
Там и начинается земля,
Где над речкой ночи пахнут мятой,
По затонам пухнут вентеря.
Шорох редкий, голоса невнятные,
В избах крайних огоньки горят.
Лошади играют на закате,
С трав сбивая красную росу.
А к утру одной звезды не хватит —
Угодила в мокрую лозу.
Желтый ком — луна упала в омут,
Как на счастье брошенный пятак...
Недалеко к берегу другому,
Только там уже совсем не так...
Сейма убегающая кромка —
Там и начинается земля.
Что Россия —
Это луг негромкий,
Ночь над Сеймом,
Лошади
И я.

* * *

Мы вдвоем у грубки жжем черет.
Дедушкины руки огонь не берет.
Говорим про иней белый, первый снег,
Окон индевелых длинный свет.
Про луну вполнеба — снежный ком
И с горячим хлебом дом.
Речку с синей прорубью и луга.
Как ушли за хворостом наугад.
И опять про зиму, про мороз,
Про озимые в рост...
За окном метелица катит лунный ком.
Инеем и хлебом пахнет дом.

ПОЛОВЦЫ

Крепость Ксснятин.
Кресты, кресты.
Никому не снять их.
Не снести.
Черными воронками речка Сула
Под ледок тонкий
Сама ушла.
Морда лошадиная
Ткнулась в лед.
Тихо.
Вражий конь пьет.
Только вдруг кричит —
Ошалел петух.
Чу, притих...
Чует вражий дух.
Режет губы острая Сула,
Тянет хлебом спелым
Слобода.
Кровь настыла по усам.
Круты бока.
Коршун кинулся в облака.

ГРУША

За сараем сохнет груша.
Ветки голые торчат.
И на ветках, как игрушки,
Грушинки висят.
Сохнет старенькая груша,
На застреху навалясь.
Листья падают послушно,
Их засасывает грязь.
Оборву все груши вечером,
Горькие съем,
Чтобы стало ей полегче,
Чтоб не высохла совсем.

* * *

Над озерами гроза.
Туча грозно подползла.
Отсекла полнеба молния —
Ох, зла! И осталась белым чертиком в глазах.

А истому выносить уже невмочь.
Убегаем из-под радуги мы прочь.
И свиданье наше катится к концу
То ль дождинкой,
То ль слезинкой
По лицу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Галдели гуси по дворам.
Застреху дождь давил осенний.
Грустила в окнах детвора —
Куда пойдешь в сырые сени.
Гляди весь день на мокрый лес,
На понитихшие ракиты,
И сад промокший желтый весь.
И клен седой, дождем побитый.
Стога тяжелые в лугах,
И к ним забытая дорога...
Все это нынче, как тогда,
Вот речка высохла немного.
Я слышал, заходили к нам,
И сыростью дышали сени.
Не отходил я от окна.
И был сродни мне дождь осенний.

ПРОБЛЕМЫ. ДЕБЮТЫ. В

Н. ТОЛЧЕНОВА

Начнем с дебютов. Стремление журнала «Театр» привлечь к творческому обсуждению насущных проблем современной сцены молодых, только что закончивших обучение критиков, театроведов, скажем сразу, оказалось результативным. Знакомство с материалами первой книжки «Театра» за 1975 год позволяет заметить, что активное участие молодых — а почти все ведущие рубрики представлены статьями начинающих критиков — придало известное своеобразие и живость разговору, который ведет журнал со своей аудиторией, в то же время не снижая в общем уровня проблемно-теоретических размышлений о нынешнем состоянии драматургии и сцены.

Напротив, опубликованные работы молодых авторов привлекают если не опытом и умением, то, во всяком случае, свежестью анализа. Отдельные же публикации свидетельствуют, кроме того, о знании основ своей профессии; в них видишь способность и к рассмотрению деталей — тех элементов, из которых складывается спектакль, — и подход к тому главному, что обеспечивает единство художественного целого: к сути творческого замысла, к идее, одушевляющей развитие, движение, самую жизнь спектакля.

В качестве передовой статьи в первой книжке журнала опубликована работа Никиты Калайтана, выпускника ГИТИСа, «Девальвация искусства». Это добротно подготовленный автором, проблемный материал о сущности буржуазной «массовой культуры». И хотя никаких новых открытий здесь как будто не содержится, появление такой именно статьи на журнальных страницах в начале года вполне закономерно.

Автор справедливо усматривает наличие коренного, неразрешимого конфликта между «массовой культурой» и искусством подлинным, подчеркивая принципиальную их несовместимость.

Так называемая «массовая культура» фактически никакого отношения к духовным потребностям народных масс, к запросам мыслящего человека решительно не имеет. По сути дела, она к ним глубоко равнодушна. Полное же ее пренебрежение к внутренней жизни, интересам и психологии героев непременно бывает замаскировано зрелищной красочностью «культурного» ширпотреба.

Предлагая дешевые поделки вместо художественного изображения подлинной человеческой, народной жизни, поставщики «массовых» зрелищ сосредоточивают внимание публики на авантюрных либо амурных похождениях удачливых «героев».

В области формы псевдокультура активно стремится к сенсационности, но живет при этом обычно за чужой счет, живет эклектично, хватая все громкое, яркое, броское. Она беззастенчиво, откровенно заимствует находки мыслящего искусства, бойко обыгрывая их, а то и выдвигая на первый план, порой даже совершенствуя внешние приемы за счет подлинной духовности.

Н. Калайтан пишет, что «субискусство и псевдосознание лишь частично и ложно выполняют функции подлинного искусства, ни в коей мере не способствуя реальному развитию индивида». Приносят же они лишь иллюзорное, мимолетное удовлетворение, не оставляющее по себе и следа.

Зритель порою все-таки разгадывает их аморальность, пошлость, хотя, внедряясь постепенно в сознание и парализуя мысль, подобные стереотипы «массовой культуры» мало-помалу отучают публику от серьезного, содержательного искусства, как и от активного творческого с ним взаимодействия, «что не только не способствует духовному развитию, но ведет к обеднению человеческой личности», говорится в статье.

Среди других выступлений молодых критиков внимание привлекает публикация «Увиденное слово» — работа выпускницы Московского государственного университета (отделение теории и истории искусства) Натальи Борисовой.

Увиденное слово — это драматургия, ожившая на сцене, весь ее зримый, вещный, пластический мир. Это самый образ спектакля, сотворенный театральным художником, согласно замыслу режиссера, в свою очередь, исходящего (в идеале!) из замысла пьесы.

Рассматривая сценографию, представленную несколькими недавними спектаклями, в том числе «Прощание в июне» и «Мольер» Э. Кочергина, «Гамлет» и «Дон Жуан» Д. Боровского, «Последняя жертва» и «Лес» А. Васильева, автор не ограничивается комментарием к оформлению и не просто говорит о различии декорационных приемов. В творчестве художников здесь прослеживается ведущий принцип, основная тенденция. Наблюдения Н. Борисовой, равно как и ее суждения, отличаются тонким, ненавязчивым проникновением в творческую манеру художников, осуществивших названные постановки. Самое же важное в статье, что, разбирая оформление, автор статьи постоянно помнит о пьесе, о драматургии. Такова исходная позиция Н. Борисовой, определяющая и ее собственную точку зрения, и методологию исследования, и конечные выводы.

«Драматург,— заключает свою статью молодой критик,— нередко оказывается в положении композитора, вариации на темы которого широко исполняются, сама же тема не звучала ни разу». Иными словами: согласие художника и режиссера в работе над спектаклем отнюдь еще не обозначает обоюдного их согласия с замыслом автора пьесы. Наталья Борисова считает, что именно такой подход «стал в последнее время преобладающим».

Цитируемые статьи, думается, позволяют заметить, что даже дебютам оказались свойственны безусловная проблемность, современность и острота размышлений.

Сполна присутствует публицистика, глубина и доказательность во второй книжке журнала «Театр», точнее сказать, в обширной, во многом определяющей содержание номера статье-обозрении А. Демидова «Большая прогулка».

Обращаясь ко многим явлениям нынешней жизни театра, и прежде всего к тем спектаклям, которые сегодня пользуются особенно шумным успехом у зрителя, А. Демидов последовательно и, скажем сразу, убедительно развенчивает этот успех как дешевый и скоропреходящий.

Взор критика, взыскательный и нелицеприятный, устремлен к мюзиклам — самому модному, пожалуй, сегодня театральному зрелищу, все шире завоевывающему сцену. Хотя, впрочем, мюзикл мюзиклу, конечно, рознь, о чем автор тоже не забывает упомянуть. Но не это является поводом для его выступления на страницах «Театра» с интересной, широко и всесторонне аргументированной статьей.

Вдумчиво анализируя те спектакли-новинки, которые снискали похвалы, автор, однако же, усматривает в них весьма серьезные просчеты. Инсценируя классику, произведения романтического толка, театры, по мнению А. Демидова, насыщают ее либо весьма спорным, а еще чаще и вовсе неверным содержанием — ироническим по отношению к смыслу, к идее, к той главной нравственной проблеме, какая является душой оригинала, собственно и давшей ему вечную эту жизнь, сохранившей его от забвения... Взамен же создатели модных мюзиклов предлагают всего лишь развлекательно-комедийное или просто увеселительное представление.

Примеры, к которым обращается А. Демидов, у всех, что называется, перед глазами. Это «Бедная Лиза» Карамзина в Ленинграде (автор композиции Марк Розовский, постановка спектакля на Малой сцене Большого драматического театра имени Горького осуществлена Марком Розовским) и «Три мушкетера» Дюма (инсценировка опять же М. Розовского в содружестве с Ю. Ряшенцевым, режиссура А. Товстоногова в Московском ТЮЗе).

Несмотря на полную несхожесть обоих произведений классики, спектакли поставлены — и обесценены — на один лад.

Казалось бы, ну что тут может быть общего между этими сценическими произведениями?! Автор статьи, однако, и усматривает это общее и называет по имени: «Это противоестественная ситуация, приводящая к дилетантским заигрываниям с великими созданиями».

Оба спектакля равно стилизованы — хоть и не однозначно, но все же одномерно — в плане шутливой снисходительности, иронического пародирования классики. И они оба зачеркивают в конечном счете те чистые, искренние движения души героев, коими следовало бы театру взволновать зрительские сердца... Таким-то образом «Бедная Лиза», не будучи связана с авантюрно-романтической темой, оказалась «близка» «Трем мушкетерам».

Подробно разобрав принципы инсценировки, определившие бедность, убогость содержания этих постановок в соотношении с обоими романами, с их исторической эпохой и культурным значением,— А. Демидов приходит к следующему выводу: «Хотя спектакли перед нами разные — «Бедная Лиза» и «Три мушкетера», но «диагноз» у них один: и там и здесь авторы спектакля совершенно не верят в современность и серьезность инсценируемых ими произведений, используя их сюжеты, темы для собственных театрально-эстетических целей».

А каковы же эти цели?.. Очевидно, они не идут дальше насмешки, пародии. И автор статьи опять-таки весьма убедительно доказывает свою мысль, столь же досконально анализируя переработку для сцены известного романа Стивенсона «Остров сокровищ», проделанную М. Рощиным.

«Что стояло за последовательно разрушенной им романтикой морских приключений, вдохновенным поэтом которой был Стивенсон?» — спрашивает А. Демидов. И пишет, что ответы на эти вопросы, к сожалению, опять-таки остаются прежними, однозначными.

КУСЫ. МОДА.

«Роман жив в своем первоначальном виде,— пишет автор статьи.— И никаких предпосылок — социальных, идейных и эстетических — к его пародийному переложению у драматурга, в сущности, не было. Рощин, видимо, понимал это, ведь свою пародию он не случайно обозначил шуткой, игрой... ибо Стивенсон как художник близок автору «Валентина и Валентины» так же, скажем, как легкомысленно очаровательный романтик Дюма — юмористу Марку Розовскому».

Но вот эта искомая будто бы игра, эта пародийность, этакое дружески-фамильярное, шутливо-небрежное похлопывание Стивенсона по плечу,— можно ли вообще считать подобное отношение к данному писателю возможным, правомерным?.. Автор «Большой прогулки» и на этот счет не оставляет никаких сомнений. Он напоминает читателям, что точно так же и «Остров сокровищ» следовало беречь от искажений, от пародирования, поскольку роман был и остается великой книгой, воспевающей человеческое мужество, стойкость и волю. Роман содержит высокую идею, ибо главный герой — в суровой борьбе с судьбой познавая суть добра и зла — находит силу, чтобы противостоять гибельным соблазнам наживы и корысти, одолеть зло...

В интерпретации М. Рощина вся эта нравственная суть повествования бесследно исчезла. «Из всего многообразия философских тем романа,— читаем мы на страницах журнала «Театр»,— Рощин извлек одну — тему денег, предложив грубо социологическое истолкование образов Стивенсона, подкрашенное веселой театральной игрой. В сущности, герои положительные мало чем отличаются здесь от героев отрицательных».

А. Демидов считает, что подобная позиция: «Все одним миром мазаны»— вовсе не случайна. По твердому его убеждению, аналогичным мироощущением пронизаны также и самостоятельные пьесы Рощина «Старый Новый год» и «Валентин и Валентина», безыдеальное, бездуховное существование героев Стивенсона втиснуто в такую же примерно схему и происходит в такой же атмосфере.

Занятую М. Рощиным позицию разочарованного наблюдателя жизни невозможно завуалировать, предполагает автор статьи, никакими средствами театрального воплощения.

Столь же подробно рассмотрены А. Демидовым и сценические превращения известного романа «Легенда об Уленшпигеле...». Автор глубоко анализирует и предысторию создания произведения Шарля Де Костера, и наиболее характерные особенности инсценировки Горина, и компоненты спектакля «Тиль», поставленного Марком Захаровым на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола.

Удачного в спектакле много, замечает критик. И с ним нельзя не согласиться. Напористый, энергичный темп действия, острый ритм мизансцен, юмор и шутки, мастерская игра Инны Чуриковой и юное воодушевление Николая Караченцова в заглавной роли — все это способствовало созданию представления празднично-веселого, яркого. И, однако, А. Демидов рассматривает спектакль «Тиль» в русле все той же тенденции: полного ухода постановщиков от главного идейно-художественного содержания классического произведения литературы.

«Зритель, вероятно, диктует и определяет «моду»,— размышляет критик.— Но от театра зависит, оказаться ли в ее плену или стать выше «моды».

Покуда что эта мода, наоборот, все больше завладевает театрами, которые соответственно спешат выработать некий всеобщий «рецепт» популярного спектакля, пригожего на все вкусы.

Задумываясь над подобным «рецептом», критик перечисляет довольно многие его компоненты и прежде всего известность того произведения, которое обычно берется за «основу». Инсценировщики затем дают ему такое «подновление», которое, введя его в круг расхожих идей, снизит классический постамент, создаст «вольный, фамильярный контакт, вполне приятный всем участвующим в этой игре сторонам (театру и зрителю)», пишет А. Демидов.

Таким образом, театру уже не нужно будет искать какую-то свою, действительно новую, современную пьесу. Теперь театр и так прослывет новатором — за счет «смелой» импровизации формы и содержания, предложенных зрителю. А то, что спектакль будет ограничен и, более того, обобран в своих нравственных, идейных возможностях, поди-ка, еще не сразу разберутся...

Эксперименты над классикой продолжаются. Это тревожит автора статьи «Большая прогулка». И, конечно, читателей «Театра». Наверняка они захотят узнать, как откликнутся художники сцены на этот, предпринятый журналом вполне своевременно, серьезный и нужный разговор. Недаром же А. Демидов с тревогой пишет в заключение, что «Большая прогулка» по произведениям «малой классики» продолжается. Прогулка легкая, приятная и увеселительная,— только, мне кажется, чересчур уж беззаботная, лишенная значительных эстетических целей и художественной памяти о прошлом».

КИНО

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Людмила Касаткина в роли Зинаиды Воробьевой.

Советско-польский фильм «Помни имя свое» основан на подлинных событиях.

Жена военного летчика Зинаида Воробьева, которую играет Л. Касаткина, во время войны очутилась вместе с малолетним ребенком в концлагере Освенцим. Фашисты разлучили ее с сыном. После войны мать долго и безрезультатно искала Гену, но продолжала верить, что он жив и рано или поздно они встретятся.

Материнская вера была счастливо вознаграждена: сын отыскался. Мальчика воспитала в Польше другая женщина, заменившая ему мать (артистка Р. Ханин). Взрослый сын — уже морской капитан — приезжает в гости к Зинаиде Григорьевне в Ленинград, мать и сын счастливы, что обрели друг друга, но их счастье отнюдь не безоблачно.

Гена Воробьев (артист Т. Боровский) давно стал Эугениушем Трушчиньським. Он в долгу и перед страной, ставшей для него родиной, и перед другой, польской, матерью. Обе матери должны теперь «делить» сына, а это не так-то просто, хотя обе женщины относятся друг к другу с огромным уважением... Словом, и сюжет и развязка так же сложны, как сложна сама жизнь... И в этом-то главный секрет успеха фильма, сделанного режиссером С. Колосовым, который вместе со своими соавторами по сценарию Э. Бриллем и Я. Красиньским шел от фактов действительных, документальных к художественному обобщению.

В фильме есть эпизод, когда в момент разлуки Зинаида Воробьева кричит сыну: «Помни имя свое! Помни, что твоя родина Советский Союз!» Гена был тогда совсем маленьким. Но он вырос в братской социалистической стране и стал таким, каким хотела видеть его мать: мужественным, сильным, преданным общему великому делу свободы и счастья народов.

В. СМИРНОВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В «Огоньке» № 35 за прошлый год я прочитал очерк Николая Сапфирова «Рядом с бедой». Верите, я давно не испытывал такого волнения, как при чтении очерка. Вот о чем надо журналистам писать чаще, это лучшая агитация за нашу коммунистическую мораль, за нашу советскую действительность. И не правы те люди, которые нет-нет да и начнут брюзжать в адрес нашей молодежи. Вот какие у нас комсомольцы: не побоялись лечь на операционный стол, чтобы спасти друга, вернее, не друга даже, а незнакомого парня! Таких случаев много в нашей жизни, но почему-то мы о них сообщаем краткой заметкой, зато всяким отщепенцам посвящаем целые постановки в театре, передачи по радио, телевидению, в кино...

Надеюсь, вы поймете меня, пожилого человека, которого до глубины души тронуло то, о чем рассказал журналист Сапфиров,— тронула судьба Юры, самоотверженная работа врача Некрасова и медсестры, спасших молодого рабочего.

В. ЗАХАРОВ

Ростов-на-Дону.

●

Стихи молодого поэта И. Исаева очень нравятся нам своей искренностью и душевностью. Когда мы узнали, что у И. Исаева полная потеря слуха, нам еще больше захотелось познакомиться поближе с поэтом.

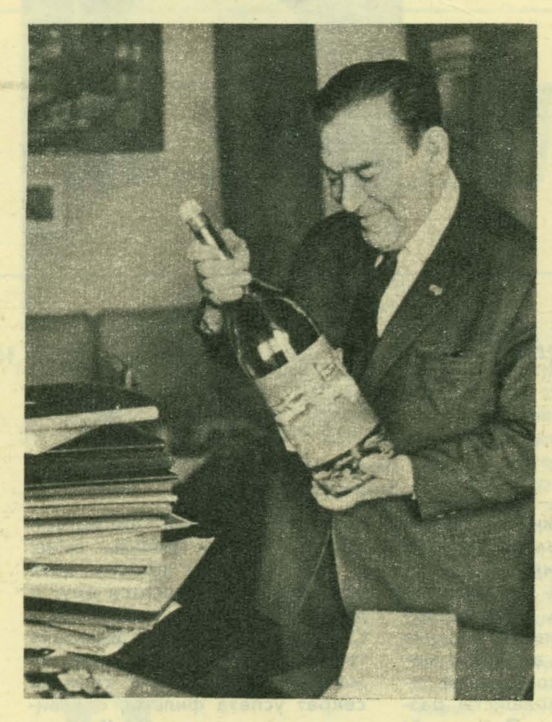
В 1974 году, готовясь к 70-летию со дня рождения Н. Островского, мы подружились со многими писателями и поэтами корчагинской судьбы и характера. И. Исаев — один из них.

В «Огоньке» № 50 есть сообщение, что у И. Исаева вышел сборник стихов. Мы рады его литературному успеху, от всего сердца поздравляем с выходом новой книги.

Гайдаровцы — те, кто любит родное русское слово, просят поэта быть членом нашего литературного клуба. Многие из нас пишут стихи, зарисовки и рассказы о тех, кто храбро воевал, кто сейчас хорошо трудится на благо нашей Родины.

ГАЙДАРОВЦЫ,
члены литературного клуба Жирновской средней школы № 1 Тацинского района, Ростовской области

НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР
Л. О. УТЕСОВУ — 80 ЛЕТ

ТЫ ДЕЛАЕШЬ ЛЮДЕЙ ВЕСЕЛЫМИ

Дорогой Леонид Осипович!

Мы познакомились с тобой почти полвека тому назад. В тот год в московском мюзик-холле шла программа в двух отделениях. Первое было сборное, в котором выступал и я со своими куклами, а второе — целиком твой джаз. И когда кончалось представление, то на фасадной стене мюзик-холла (теперь здание зала имени Чайковского) на огромном киноэкране «утесовский джаз» продолжал играть для всей площади; тогда она называлась Триумфальной.

После премьеры ты вышел из дверей мюзик-холла на асфальт тротуара и, подняв голову, счастливый, смотрел на самого себя. Вот тут-то мы и познакомились, а потом подружились.

Ты был счастлив, ощущая свой триумфальный результат долгой и трудной борьбы с музыкальными ортодоксами, ничего не понимающими в музыке, а значит, и в джазе. Твое счастливое лицо не удивило меня, потому что каждый актер бывает счастлив, если то, что он делает, нравится тем, для кого он живет. Удивительно и прекрасно другое.

Доктор делает больных здоровыми.

Учитель делает неучей учеными.

А ты? Ты делаешь людей веселыми.

Вот уже больше шестидесяти лет это продолжается, как прекрасная цепочка подарков счастья.

Я эстрадник. Среди эстрадников есть разные люди: и добрые, и злые, и талантливые, и бездарные, и скромные, и зазнайки. И взаимоотношения между ними тоже разные, иногда запутанные, сложные. А ты среди эстрадников стоишь как-то удивительно: и внутри и в стороне. Тебя любят все. Любят за талант и за большую человеческую доброту, которую знает каждый, кто обращался к тебе за помощью или советом.

И любит тебя вся наша страна. И молодые и старые. Потому что и сам-то ты вмещаешь в себя эти два понятия. Ты и не молодой и не старый. Ты Утесов — веселый, во всем талантливый.

Поздравляю тебя с твоим праздником и от себя и от всей любящей тебя огромной армии актеров советской эстрады.

Твой С. ОБРАЗЦОВ

Столица страны — город Панама.

БАНАН

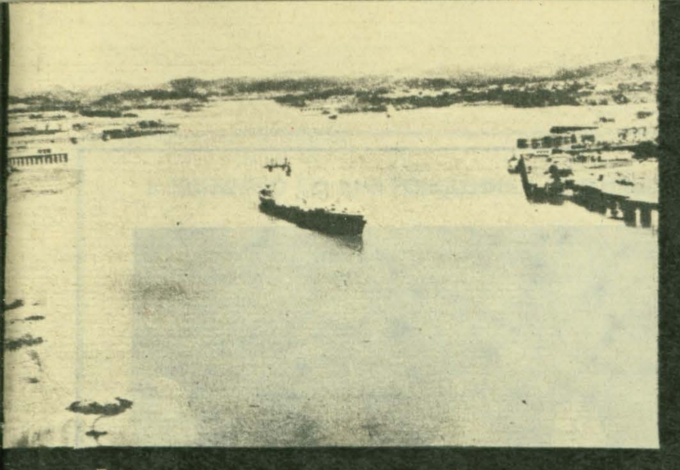

К. К. КЬЕЙМАН
Фото С. СЫЧЕВА.

Свидетельствует пресса

Панамцам оскорбительно, что в западном мире их страна ассоциируется лишь с каналом, постройка которого вызвала один из самых крупных финансовых скандалов прошлого века. Панамский канал — один из «стратегических заслонов» мира — принадлежит американцам. Это накладывает свой отпечаток на всю жизнь страны. Город Панама, столица республики, отделен решетками от зоны канала. А сама эта зона — фактически 51-й североамериканский штат, расположенный в центре страны, которую он разделяет на две половины по длине всего перешейка. «Панама,— говорит глава правительства генерал О. Торрихос,— единственная страна, для которой, кроме Севера, Юга, Востока и Запада, существует еще как бы пятое направление. Это вклинившаяся в территорию Панамы часть американской территории». Зона канала олицетворяет экономическую, политическую и военную зависимость Панамы от Соединенных Штатов.

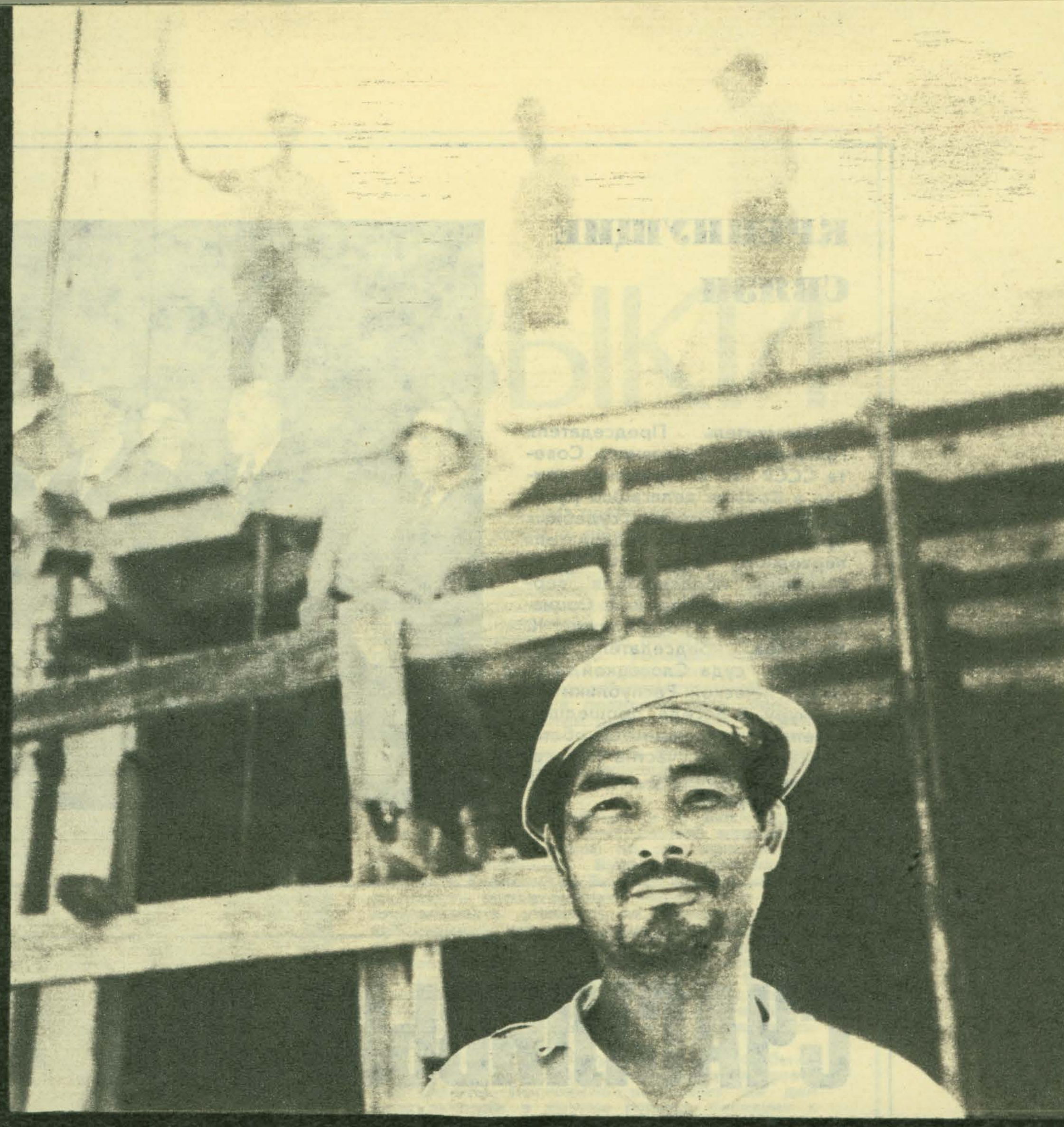
«Превратить Панаму в подлинную нацию, утвердить панамскую самобытность — такова наша самая главная забота»,— подчеркивает молодой руководитель панамской дипломатии Хуан Антонио Тэк, который принимает нас в своем кабинете в министерстве иностранных дел. «Ничего нельзя будет сделать,— поясняет он,— не урегулировав вопрос о канале, мешающий нашему полному суверенитету. Сегодня мы имеем значительно больше шансов добиться этого, ибо на нас в какой-то мере распространяется мировая эволюция. Мы входим в сообщество развивающихся стран, и это укрепляет наши позиции. Так, например, в марте 1973 года нам удалось добиться созыва в Панаме Совета Безопасности. Развернулась горячая дискуссия о путях восстановления наших прав на

Днем и ночью идут суда через Панамский канал.

Студенты столичного университета.

Строительные рабочие.

...ОВАЯ ВОЙНА

канал. Представитель США воспрепятствовал решению вопроса, использовав вето».

«В течение 70 лет,— сказал по этому поводу генерал О. Торрихос по окончании выездной сессии Совета Безопасности, — Соединенные Штаты противопоставляли нам свое вето при закрытых дверях в государственном департаменте. Сегодня мы вынудили их сделать это публично, на глазах у всего мира...»

Если заседание Совета Безопасности в Панаме и не было победой, оно все же, бесспорно, ознаменовало собой поворот в панамо-американских переговорах, которые привели к подписанию США и Панамой Декларации из восьми пунктов. Предусмотрено заключение нового соглашения, окончательно отменяющего договор 1903 года.

Но может ли Декларация удовлетворить панамцев?

Важнейшие вопросы еще не решены: например, вопрос о сроке предоставления Панаме полного суверенитета, о ликвидации американских баз, начиная с постепенного сокращения численности вооруженных сил, размещенных в зоне. Декларация не упоминает и о демилитаризации и нейтрализации зоны канала. Четвертый пункт, касающийся строительства нового канала, предусматривает, что Соединенные Штаты смогут для этого пользоваться всеми землями, водами и воздушным пространством, которыми они обладали до сих пор. Таким образом, Декларация фактически признает и узаконивает военное присутствие Соединенных Штатов, все их экономические и политические притязания, убедительнее всего подтверждающие колониалистскую роль, которую Вашингтон намерен по-прежнему играть в Панаме.

Зона канала не единственный признак колониализма в Панаме. Представление об этом дает недавно разразившаяся «банановая война». Бананы составляют 53 процента экспорта Панамы и являются ее вторым источником существования после канала. Но монополию на выращивание и сбыт бананов имеет американская компания «Юнайтед брэндс», преемник «Юнайтед фрут». Она — самый крупный землевладелец Панамы. Ей принадлежат 24 тысячи гектаров, причем это самые плодородные земли страны.

Эта компания — третий работодатель страны после государства и Компании Панамского канала: на нее работают 15 тысяч панамцев. Она пользуется и беспрецедентными налоговыми льготами. «Юнайтед брэндс» платила до последнего времени Панамскому государству всего лишь несколько сентесимо за ящик бананов весом в 20 килограммов. С 1969 года Панама не раз пыталась вести переговоры с компанией относительно увеличения налога, но она оставалась глухой к этим требованиям.

В 1974 году руководители Панамы после встреч с главами государств Центральной Америки и Эквадора решили перейти в наступление. Вдохновившись примером стран, экспортирующих нефть, они убедили других производителей бананов занять общую позицию, создать Союз стран — экспортеров бананов и потребовать от компании платы по одному доллару за ящик экспортируемых бананов весом в 20 килограммов.

Вначале страны-производители выступали единым фронтом. Но постепенно различные монополистические компании («Юнайтед фрут», «Дель Монте») усилили свое экономическое и политическое давление, в частности на правительства Коста-Рики и Гондураса, которые заняли выжидательную позицию.

Только Панама продолжала сопротивляться. Тогда Вашингтон направил ей меморандум, озаглавленный «Американская позиция по банановой проблеме», в котором ясно говорилось, что упоминавшийся налог в один доллар на ящик встретит самое решительное сопротивление со стороны руководителей США, покровительствующих «Юнайтед брэндс». Получив их поддержку, компания перешла в контрнаступление: производство бананов было заблокировано. Два миллиона ящиков бананов были выброшены в море...

В Панаме все чаще говорят о необходимости национализировать эту компанию. Банановая проблема обсуждается в газетах под крупными заголовками. Организуются манифестации. Повсюду появляются плакаты с боевыми лозунгами: «Прекратить злоупотребления», «Достоинство и суверенитет», «Единство народа в решении банановой проблемы», «Мы не можем проиграть эту битву». В конце прошлого года правительство сообщило, что панамское государство намерено выкупить все имущество, принадлежащее «Юнайтед брэндс».

«Вся эта ситуация,— отмечает министр торговли и промышленности,— результат нашей зависимости. В центральноамериканских странах североамериканская компания может, если хочет, угрожать их экономике. Нам совершенно ясно, что мы должны ликвидировать позорный анклав — физическое присутствие этой колониальной компании».

Французская газета
«Монд дипломатик»

КРЕПНУЩИЕ СВЯЗИ

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Х. Арутюнян принял в Кремле делегацию руководящих работников судебных органов ЧССР — председателя верховного суда ЧССР Й. Ондржея, председателя верховного суда Чешской Социалистической Республики К. Кейзлара, председателя верховного суда Словацкой Социалистической Республики Й. Бенчуру. В беседе, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, принял участие председатель Верховного суда СССР Л. Н. Смирнов.

СЧАСТЛИВЫЙ ЛЕД

Среди многих почетных призов Ирины Родниной есть один, который ей особенно дорог: именные золотые часы, подарок министра обороны, Маршала Советского Союза А. А. Гречко. На крышке часов выгравировано: «За мужество и смелость».

Казалось бы, какое отношение могут иметь эти слова к маленькой женщине, выступающей в том виде спорта, который ближе всего смыкается с искусством, хоть она и является членом Центрального спортивного клуба армии? А вместе с тем именно эти два слова как нельзя лучше подходят к семикратной чемпионке мира по фигурному катанию...

Почему известный тренер Станислав Жук обратил внимание на маленькую черноглазую девочку? Пожалуй, только потому, что девочка прыгала выше всех, крутилась больше всех, пыталась обратить на себя его внимание. Пройдет много лет, и Ирина Константиновна Роднина после своей седьмой победы на чемпионате мира в Колорадо-Спрингс, отвечая на вопрос журналиста, что позволяет ей так долго сохранять блестящую спортивную форму, скажет: «Я люблю кататься с огоньком». Вот этот живой, трепетный огонек и заметил ее тренер. Но сколько лет должно было пройти, прежде чем стало ясно, что огонек Ирины Родниной разгорается все ярче и ярче.

Не сразу нашла Ирина Роднина свой ключ к успеху. Она начинала как одиночница, и тут-то серьезный недостаток, который у нее обнаружился, стал началом ее будущих успехов. Ира не любила школьного катания, никак не могла освоить его, а без этого как же можно побеждать, будь у тебя произвольная программа хоть самых высоких качеств? И вот тренер, убедившись в том, что антипатию Иры Родниной к обязательной программе не вытравишь, и пришел к выводу, что ей надо заниматься парным катанием. Так появилась пара Ирина Роднина — Алексей Уланов, которая дебютировала в 1968 году, а уже в следующем сезоне завоевала сперва золотые медали на чемпионате Европы, а затем и на чемпионате мира. Это было в Колорадо-Спрингс, на том самом американском льду, на котором спустя шесть лет Ирина Роднина в седьмой раз поднялась на высшую ступеньку пьедестала почета.

Колорадо-Спрингс, Любляна, Лион, Калгари, Братислава, Мюнхен и, наконец, снова Колорадо-Спрингс — таков победный маршрут Ирины Родниной, Алексея Уланова, а затем и ее нового партнера Александра Зайцева.

Всего девять месяцев понадобилось Зайцеву, чтобы войти в курс творческих дел своей именитой напарницы и стать полноправным ее партнером. Нынешняя победа уже третья на счету Александра Зайцева... И первая на счету нового тренера нашей пары — Татьяны Тарасовой.

Да, жизнь не стоит на месте, появился у Ирины Родниной сперва новый партнер, а затем и новый тренер. Нелегкое это дело — такие перемены, но неуклонно, самоотверженно преодолевает маленькая черноглазая женщина все трудности.

Их было немало на ее пути. Да, никак не назовешь Иру везучей. Вспомним, что перед самым стартом чемпионата мира 1972 года в Калгари, на последней тренировке она упала, получила серьезное повреждение и все же нашла в себе силы войти в строй. Вспомним чемпионат мира 1973 года в Братиславе, когда во время выступления внезапно замолкла музыка, и в этой необычной обстановке Ирина Роднина и Александр Зайцев продолжали свою программу, прекрасно ее завершили и добились победы. И в Колорадо-Спрингс не обошлось без аварии: на разминке Ирина столкнулась с другой фигуристкой, получила травму, но это не помешало ей выступить во всем блеске.

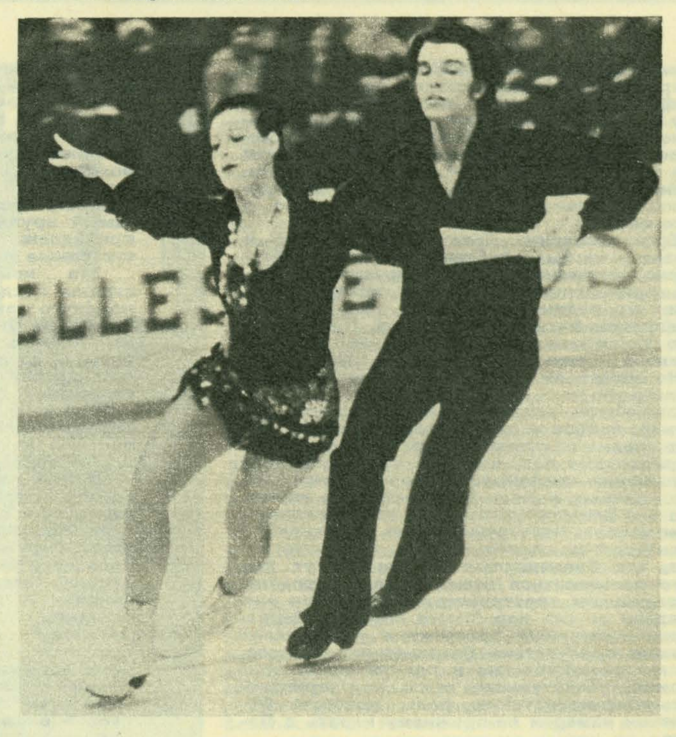
В борьбе с сильнейшими фигуристами ГДР Ирина Роднина и Александр Зайцев снова стали чемпионами мира. А вслед за ними в танцах на льду первенство завоевала наша молодая пара Ирина Моисеева и Андрей Миненков, в одиночном катании — Сергей Волков. Поистине лед Колорадо-Спрингс для наших спортсменов — счастливый!

П. СЕРГЕЕВ

Сергей Волков — чемпион мира.

Чемпионы мира 1975 года в танцах на льду — Ирина Моисеева и Андрей Миненков.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

ВО ИМЯ МУЗЫКИ

Дм. БЛАГОЙ

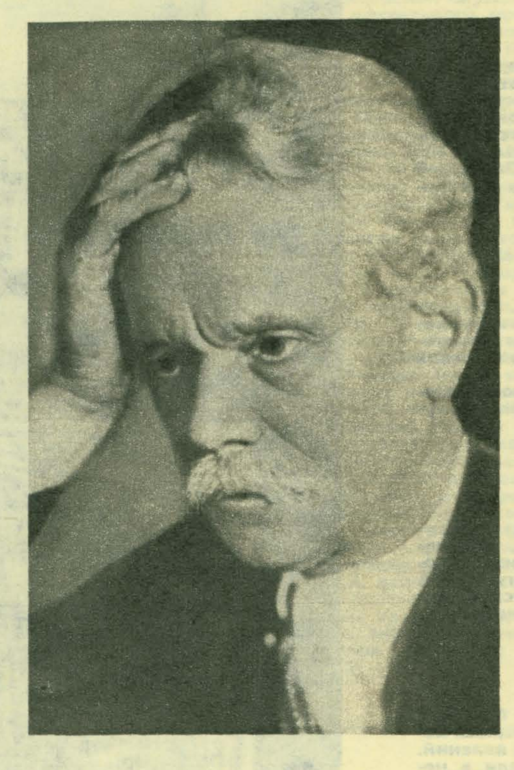
«Поистине неоценима в формировании человеческой личности роль музыки. Обладая способностью затронуть самые сокровенные струны души, пробудить в человеке светлые, благородные порывы, охватить единым настроением массы, музыка по праву считается одним из самых высших проявлений человеческой культуры. Но так же, как неграмотный человек с низкой культурой не может понять всю красоту поэзии, человек с односторонним развитием не может разобраться и в музыке. Ведь понимание всякого искусства зависит от общего развития личности. Искусство обогащает человека, движет его вперед, но оно в то же время требует неустанного духовного совершенствования».

Слова эти принадлежат Александру Борисовичу Гольденвейзеру, человеку, память о котором стала неразлучной с нашей современностью, с живым звучанием музыки. Жизнь его была сознательно и беззаветно посвящена именно «неустанному духовному совершенствованию». Но не в узком плане самосовершенствования,— оно было лишь ключом, открывающим дорогу к главной цели: музыкальному просвещению народа.

Какие жизненные коллизии приобщили Гольденвейзера к суровому и прекрасному делу — просветительству? Какие люди, обстоятельства, порывы подвигнули его на этот путь? Может быть, истоки надо искать в далекой его юности, когда в благоговейном восторге слушал он Антона Рубинштейна и склонял голову, знакомясь с Чайковским? Или когда выступал с оркестром под управлением Римского-Корсакова? Приходил на уроки в классы к Танееву, Аренскому, Ипполитову-Иванову, Зилоти?.. Несомненно, прекрасные традиции гуманизма и демократичности русской музыкальной школы привносились мастерами на благодатную почву,— ведь их учениками были Скрябин, Рахманинов. И рядом с ними — Александр Гольденвейзер...

Он блестяще окончил Московскую консерваторию с золотой медалью; его имя занесено золотыми буквами на доску почета. Началась жизнь, неутомимая, деятельная: концертирование по всей России, выступление с программами, включающими новые еще в то время произведения Аренского, Рахманинова, Скрябина, Метнера... «В лице Гольденвейзера мы имеем замечательного артиста, в его игре видны ум, вдумчивость, все он освещает по-своему» — так отмечала пресса начало его пути. Но сильный, деятельный характер Гольденвейзера определяет и многогранность его дарования. Все большее признание получает педагогический дар музыканта, выходят в свет вокальные и фортепианные сочинения; в периодической прессе появляются критические обзоры, ярко рисующие музыкальную жизнь того времени.

«...Сегодня для меня был день, который будет, вероятно, на всю жизнь мне памятен, как самый счастливый, самый значительный: я провел вечер у Льва Толстого»,— записал Александр Борисович в своем дневнике 20 января 1896 года. Часто бывал он в обществе великого писателя, подолгу играл ему и, несмотря на разницу в возрасте, стал одним из близких ему людей. Александр Борисович вел записи всего, что слы-

шал от великого человека, понимая, каким ценным будет этот труд для потомков. Для них и написал он книгу «Вблизи Толстого».

Общение с великим русским писателем не могло не усилить тягу Александра Борисовича к музыкальному просветительству, к активному участию в жизни общества. В отличие от многих художников, испытавших в годы между двумя революциями влияние модернистских, упадочнических течений, Гольденвейзер всегда был верен идеалам передового демократического искусства.

Но лишь после Великой Октябрьской революции полностью осуществилось призвание Гольденвейзера к общественной деятельности и музыкальному просвещению народа, в полную меру развернулось его богатейшее дарование. Буквально с первых дней Советской власти он с энергией, свойственной его характеру, включается в культурно-массовую работу на фабриках, в воинских частях; создает концертную бригаду, в которую вошли Н. А. Обухова и В. В. Барсова.

После подписания В. И. Лениным декрета о национализации консерваторий открылась новая эпоха в развитии музыкального образования. По существу, все нужно было создавать и налаживать заново: концертную жизнь, издание нот и книг по музыке, воспитание музыкантов самых различных профилей, производство инструментов... Главное же — сам облик советского композитора, исполнителя, организатора должен был стать во многом иным. На этом ответственнейшем этапе строительства советской музыкальной культуры Гольденвейзер принимает участие и в разработке реформ и в непосредственном претворении их в жизнь сначала на посту заместителя директора, а затем и директора Московской консерватории.

Как и многие другие области культурной жизни, музыкальная педагогика стала в 20-е годы ареной идейных споров. Немало сил было потрачено Гольденвейзером на борьбу с различного рода перегибами, вульгарно-социологическим упрощенчеством — во имя отстаивания и развития на новом этапе высоких традиций отечественной культуры. Позиция эта подкреплялась блестящими практическими результатами: из фортепианного класса Гольденвейзера вышли музыканты самых разных профессий: пианист Г. Р. Гинзбург, композитор Д. Б. Кабалевский, певица Ф. С. Петрова, музыковед Н. В. Туманина...

Классы Гольденвейзера и в Московской консерватории и в Центральной музыкальной школе, созданной по его инициативе, были переполнены. Будущих музыкантов влекло к Александру Борисовичу его умение развивать неповторимую творческую индивидуальность ученика, не навязывая ему собственных художественных «рецептов». И еще драгоценная особенность: умение на основе конкретных, порою мельчайших фактов (наблюдательность Александра Борисовича была поистине поразительна!) приходить к ценным обобщениям, касающимся глубинных критериев силы и выразительности музыки.

И все же музыканту-просветителю было тесно в рамках лишь непосредственно учебной работы. Постоянно выезжает он для консультации в другие города, беседует с музыкантами-педагогами и, что особенно важно, своим опытом делится с несчетными массами будущих музыкантов. Одно за другим выходят отредактированные им издания произведений Шумана, Моцарта, Бетховена, Баха, Листа,— десятки томов, и каждый из них требовал вдумчивого, кропотливого труда.

Посвятив свою жизнь делу, практически неисчерпаемому, Александр Борисович Гольденвейзер остался верен ему до последних своих дней. Участие в государственных экзаменационных комиссиях московской, тбилисской, бакинской, горьковской консерваторий, работа в оргкомитете Первого Международного конкурса имени Чайковского, выступления на собраниях, вечерах — в каждое из этих дел и начинаний Гольденвейзер вносил неутомимую энергию и убежденность.

...Сегодня, как и при жизни Александра Борисовича, его дом гостеприимно принимает многочисленных любителей музыки. Традиция «Музыкальных четвергов» укрепилась так прочно, что нынешнюю музыкальную жизнь Москвы трудно представить без этих еженедельных собраний. Посетителей Музея-квартиры Гольденвейзера окружает все, что он собрал и сохранил за долгую жизнь. Влекло его не абстрактное «коллекционерство», а сознательное стремление, органическая потребность увековечить то, что сегодня кажется мимолетным, преходящим, а завтра оказывается драгоценным историческим фактом, тонкое чутье в отборе таких материалов.

И эту свою работу музыкант принес в дар государству.

«Пока я жив, пока во мне есть еще силы, я буду класть свои маленькие кирпичи в великое строительство новой, счастливой жизни; а на смену моему поколению, на смену мне придут молодые, счастливые, даровитые. И не беда, если нас забудут,— дело, для которого мы работаем — великое музыкальное искусство,— не умрет никогда»,— писал Гольденвейзер — музыкант, сумевший до последнего дня своей долгой жизни прожить во имя искусства, во имя народа.

1

Террор и насилие — таковы методы, к которым прибегает Тель-Авив на оккупированных арабских землях. Газеты сообщают о массовых арестах, обысках, бесчинствах оккупантов, сопровождаемых глумлением над человеческим достоинством, о попытках сломить волю народа, который добивается лишь одного — права жить свободным на земле своей родины.

На снимке: израильские солдаты в Наблусе (Западный берег реки Иордан) проводят очередную операцию по «умиротворению» арабских жителей города.

2

В скорбном молчании прошли они по улицам Афин... Это родственники участников антидиктаторских народных выступлений, погибших от руки хунты «черных полковников». Демонстранты требуют наказания виновных в кровавых расправах над патриотами Греции.

Греческий парламент принял закон, согласно которому бывшие члены правительства и другие официальные лица, служившие диктаторскому режиму, подлежат суду.

3

Горький юмор — иначе не назовешь реакцию ряда американских карикатуристов на экономические трудности, переживаемые Соединенными Штатами. В виде темного туннеля, уходящего в бесконечность, художник изобразил затянувшийся экономический спад... Туннель предстоит пройти «среднему американцу». «Где же конец?» — в отчаянии спрашивает он.

4

Два чудовища — инфляция и экономический спад — балансируют на спинах рядовых американцев. Именно трудящиеся испытывают тяготы все более углубляющихся кризисных явлений. Крупным монополиям удается сохранить свои прибыли в неприкосновенности.

5

Дания, как и другие капиталистические страны, испытывает серьезные экономические трудности. В настоящее время в этом небольшом скандинавском государстве с населением 5 миллионов человек насчитывается около 200 тысяч безработных. Платежный баланс сведен с огромным дефицитом. Цены растут в среднем на 16 процентов в год. По темпам роста дороговизны в 1974 году Дания занимала одно из первых мест в Западной Европе. Датское правительство пытается урегулировать экономические проблемы в основном за счет трудящихся: замораживается заработная плата и отменяется система надбавок в связи с ростом цен.

На снимке: один из многочисленных в эти дни в Дании митингов. Его участники решительно протестуют против наступления капитала на жизненные права трудящихся.

6

Общественность ФРГ бьет тревогу: в стране растет число наркоманов. Из больших городов эпидемия перекинулась в села. Типичен пример деревни Гамм в Вестервальде (Рейнланд-Пфальц), превратившейся, по словам прессы ФРГ, в один из «рынков сбыта наркотиков» для всей Западной Германии. Только в этой деревне свыше 900 подростков — наркоманы либо торговцы наркотиками. Обманчиво дневное безлюдье деревни — по вечерам на ее улицах, в танцклубе и пивных барах томятся сотни юношей и девушек, для которых наркотики отныне стали единственной целью и ориентиром в жизни.

7

Внутреннее море Японии, которое когда-то привлекало многочисленных туристов своими прозрачными водами, песчаными пляжами, становится похожим на большой водоем, в котором исчезает жизнь. Это вызывает особенную тревогу у рыбаков, существование которых зависит от моря.

Крупные предприятия продолжают сбрасывать в него различные ядовитые химические вещества. В результате аварий на танкерах в море попало несколько тысяч тонн нефти, покрывшей огромное пространство воды густой черной пленкой.

На снимке: японские рыбаки собирают нефть у берегов Такамацу-Сити (префектура Кагава).

Фото ТАСС, из журналов «Квик» и «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», карикатуры из журнала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт».

2

4

6

7

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. В. ИЗЮМСКОГО

ДОРОГАМИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

В суровом 1943 году в нашей стране были созданы необычные учебные заведения — суворовские училища, призванные готовить юношей к офицерской службе в армии. В 1944-м, после третьего, тяжелого ранения, длительного пребывания в госпитале Борис Изюмский и был направлен в такое сформированное в Новочеркасске училище.

Здесь капитан, а позже майор Изюмский в течение семи лет преподавал историю, логику, психологию. Здесь он заново переживал события своей фронтовой жизни: ему было что рассказать своим питомцам. Учитель-историк, он с первых дней войны в армии, служил в артиллерии, командовал стрелковой ротой, участвовал в боях за Сталинград, где родился, где был ранен.

Зимой 1944 года, уже в училище, он встретился с известным детским писателем И. Д. Василенко, знавшим Бориса Изюмского по его первым рассказам. Тот посоветовал засесть за большую повесть о суворовцах. Так началась работа над «Алыми погонами» — одной из любимых книг нашего юношества, принесшей автору заслуженную известность.

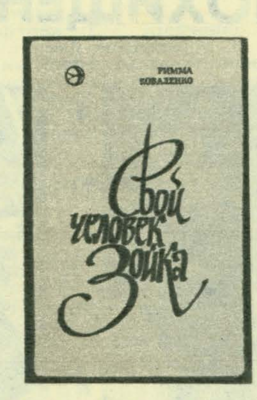
Долгие годы автор собирал материалы для ее продолжения. И вот через четверть века после выхода «Алых погон» появилась завершающая их часть — «Подполковник Ковалев». Эта книга любопытна встречами с известными нам, но уже возмужавшими героями, перешагнувшими через крутые ступени жизненной лестницы. А судьбы многих бывших суворовцев поразительно интересны. Эта часть «Алых погон» привлекает раскрытием духовного мира нашего современного офицера, широко мыслящего, всесторонне подготовленного.

Большое место в творчестве Бориса Изюмского занимают произведения на исторические темы. Его повести «Бегство в Соколиный бор», «Соляной шлях», «Град за лукоморьем», «Ханский ярлык» и «Тимофей с Холопьей улицы» раскрывают жизнь далеких времен. Живой интерес у читателей вызвала книга Б. Изюмского «Нина Грибоедова», посвященная последним годам жизни великого драматурга А. С. Грибоедова и горькой доле его жены.

История и современность удачно сочетаются в творчестве Бориса Изюмского. На писательском столе сейчас лежит рукопись только что законченного исторического романа, повествующего о борьбе болгарского народа против многовекового гнета иноземцев, раскрывающего глубину русско-болгарской дружбы. А писатель уже весь в работе над новой, давно задуманной книгой о достойном пополнении нашего рабочего класса.

Мы знаем мир дерзаний и тревог героев, созданных Борисом Изюмским, знаем, что они всегда в порыве, в поисках. Пожелаем ему, чтобы и герои его новых книг были верными друзьями и спутниками читателей.

К. ШАРОМОВ

ЯСНО, НО НЕ ПРОСТО

В одном из рассказов Риммы Коваленко девочка-подросток говорит писателю: «Вы записываете на листки свои разные жизни». Писатель немного смущен — ребенок разгадал его секрет. Тот писатель был, вероятно, себялюбцем, он писал только о себе и для себя, вымышляя причудливые, «красивые» ситуации, в которых действовали загадочные, нереальные герои.

Творческая позиция Риммы Коваленко — рассказать о реальных, невыдуманных человеческих судьбах. Ничего в них нет таинственного, романтичного. И все-таки они вызывают живую, кровную заинтересованность. Проза Р. Коваленко всегда конкретна и динамична. Писательница умеет быстрыми штрихами нарисовать характер, живую сценку, без излишней детализации создать ясную (но не простую!) картину человеческих взаимоотношений. Она черпает из «моря житейского», но не впадает в бытовизм, потому что главный интерес сосредоточен на выяснении вечного и неисчерпаемого вопроса: что же в этой жизни хорошо и что в ней несовершенно, чем прекрасен человек и чем можно объяснить драматичность, а порой и несостоятельность его судьбы. В ее рассказах нередко противопоставлены человек «головной», носитель мечты, подчас бесплодной, а иногда и вредной,— и человек действия, не мыслящий себя без коллектива, без работы и полезности для общества. Таковы секретарь райкома Роман Сергеевич из рассказа «С утра до вечера», такова героиня рассказа «Свой человек Зойка».

Зойка — это в некотором роде символ молодости, бескорыстия, врожденного неприятия всяческого индивидуализма. Таких «своих», н а ш и х людей часто встречаешь на страницах книги Р. Коваленко, характеры их приметны стойким, несмотря на личные неудачи, оптимизмом. И не случайно рядом с Зойкой и другими ее героями оказываются дети.

«Самое главное в завтрашнем дне — сегодняшние дети»,— говорит учительница из рассказа «С утра до вечера». В свое время А. Гайдар показал молодость и героизм Советской страны через героические образы детей. И внимание современного писателя к ребенку всегда несет в себе отзвук гайдаровской любви и понимания. Традиция «Голубой чашки» прослеживается и в повести Р. Коваленко «Пешком в мамино детство». Конечно, у Гайдара каждый ребенок еще и личность, яркая, незаурядная. Детским образам Р. Коваленко это пока менее свойственно, к тому же перевешивает и сама «взрослая» ситуация рассказов. Но, безусловно, детская тема для писательницы органична, и звучит она чисто и самобытно.

Лиризм, искренность, юмор, стремление к ясности и досказанности делают рассказы Риммы Коваленко и подлинно жизненными и убедительными.

Н. КАЙДАЛОВА

Римма К о в а л е н к о. Свой человек Зойка. М., «Современник», 1974, 222 стр.

Далекие расчеты

Леонид ЛЕНЧ

Сидели как-то вечером у себя дома супруги Трубниковы — Вика и Женя, а также их сын Егорка. Сорок шесть лет на троих, из них на долю Егорки приходится одиннадцать месяцев.

Егорка, собственно говоря, не сидел, а лежал в своей кроватке и сладко спал, а его родители — те действительно сидели рядом на диванчике и любовались сыном.

Любовались и шепотом говорили о нем. Идиллия! И вдруг эта идиллия обернулась ссорой. Супруги разругались. Да еще как!

Сначала возник просто спор: кем быть Егорке, когда он вырастет. Папа Женя, чернобровый, низкорослый крепыш, заводской инженер, сказал, что Егорка должен стать знаменитым хоккеистом, таким, например, как Третьяк или Харламов, потому что в «хоккей играют настоящие мужчины», а Егорка по всем своим параметрам «мужик что надо».

Мама Вика, хрупкая, изысканная блондинка, переводчица с английского, побледнела и сказала коротко и жестко, но пока еще шепотом:

— Только через мой труп!

— Почему? — иронически прищурился папа Женя.

— Потому что я не хочу безумствовать на стадионе, глядя, как грубияны на льду сбивают моего сына с ног или бьют клюшками по его ручкам! — с вызовом сказала мама Вика.

— Не беспокойся, не тронут грубияны твоего сынулю, они будут знать, что Егор Трубников сумеет постоять за себя и так способен дать сдачи, что никому не поздоровится! — ответил маме Вике папа Женя.

— Он не будет хоккеистом! — поставила точку мама Вика.— И вообще... как это банально, даже пошло, если хочешь знать... «Наш сын будет знаменитым хоккеистом!», «Наш сын будет знаменитым футболистом!»

— А кем же он должен стать, потвоему?

Молодая мама подумала и, улыбаясь загадочно, почти как мона Лиза, сказала:

— Он станет знаменитым шахматистом!

Молодой папа фыркнул, подавившись неделикатным смешком.

— Таким, как Карпов, например, да?

— А что? Тебе не нравится Карпов?!

— Нет, мне нравится Карпов. Но при чем здесь наш Егорка? Почему он должен стать знаменитым шахматистом? На каком основании? Мне у нас на заводе ребята ставят мат на третьем ходу, следовательно, на, наследственные гены Егорка рассчитывать не может.

— Отец Карпова тоже плохо играет в шахматы, об этом в газетах писали.— Тут мама Вика вздохнула.— Все говорят, что у Егорки необыкновенно умные, просто гениальные глаза... А ум — это главное для шахматиста!..

— По-твоему, получается, что умные идут в шахматисты, а глупые — в технику, в литературу, в искусство... в переводы...

— Не придирайся! Ты не споришь по существу, а жонглируешь тарелками. И при том изящно роняешь их на пол. Подбери осколки, растяпа! — сказала мама Вика уже не шепотом.— Егорушка будет заниматься в каком-нибудь шахматном пионерском кружке под руко-

КОМУ ПОНАДОБИЛОСЬ ПОХИЩЕНИЕ П. ЛОРЕНЦА?

1

2

3

4

Несколько дней назад в Адене приземлился многоместный «Боинг-707», пассажирами которого были 6 человек — освобожденные из тюрьмы члены левацко-анархистской группировки «РАФ» (фото 1) и бывший бургомистр Западного Берлина пастор Генрих Альберц (фото 2), сопровождавший вчерашних узников по их требованию до аэропорта назначения. Немедленное освобождение группы политзаключенных, их выезд в Аден и 20 тысяч марок каждому из них — такова была плата, назначенная вожаками леваков за жизнь 52-летнего председателя западноберлинского Христианско-демократического союза Петера Лоренца (фото 3), похищенного ими за три дня до начала выборов в городской парламент в двух шагах от своей виллы в районе Целендорф (фото 4). 5 марта Лоренц действительно был освобожден, и страсти вокруг его похищения начали утихать.

Шесть дней пресловутое «дело Лоренца» вытесняло всю другую информацию со страниц правой прессы Западного Берлина. История эта отодвинула на второй план действительно серьезные проблемы — экономический спад, рост безработицы и жилищный кризис, наконец, ход предвыборной кампании и самые выборы. Впрочем, так только кажется. Нагнетание ажиотажа вокруг имени лидера христианских демократов не могло не создать ХДС известной «популярности». Кроме того, заостряя внимание читателей на детективных подробностях, правая пресса не забывала гнуть свою линию — городу нужна «твердая рука», социал-демократы «не способны» обеспечить порядок.

Объявленные 6 марта окончательные результаты выборов в западноберлинский парламент — ХДС получил 43,9 процента голосов, увеличив свое представительство на 8 мандатов — заставили наблюдателей призадуматься. Кому понадобились шумиха вокруг «дела Лоренца», ореол мученичества вокруг лидера ХДС? Ответ может быть только один: самому ХДС, деятели которого давно перестали брезговать средствами ради достижения политической цели. Таково мнение демократической общественности Западного Берлина.

А. ГРЕЧУХИН

Фото Ассошиэйтед Пресс, ЮПИ, ДПА.

водством прославленного гроссмейстера...

— Только через мой труп! — сказал папа Женя коротко и жестко.

— Почему?

— Потому! Я не хочу, чтобы мой сын свихнул себе мозги раньше времени.

— Боже мой, какое у тебя допотопное и пошлое представление о шахматистах! — выкрикнула Вика.

Женя обиделся и ответил Вике в таком же не протокольно-дипломатическом духе. Слово за слово, и супруги разругались всерьез. Хорошо еще, что Егорка не проснулся, он продолжал спать у себя в кроватке, посапывая и причмокивая губами,— крупный, розовый ребенок, похожий на самого обыкновенного ангела стандартного небесного производства.

Явилась из вечернего похода по магазинам Наталья Семеновна — Викина бабка. Чета Трубниковых после появления Егорки на свет вызвала старуху в качестве «скорой помощи» из южного города, где Наталья Семеновна жила на покое тихо и мирно, получая от внучки поздравительные открытки по праздникам.

Наталья Семеновна прошла прямо в кухню, освободила свою авоську от содержимого, уложила продукты в холодильник и лишь потом появилась в комнате. Молодые супруги сидели надутые, глядели в разные стороны.

— Вижу, что уже поругаться успели, пока меня дома не было! — сказала старуха.— По какому такому случаю, позвольте поинтересоваться?

После долгой паузы Вика первая нарушила молчание:

— Этот человек,— она показала на Женю,— хочет сделать из нашего сына хоккеиста. Представляешь себе этот ужас, бабушка?! Чтобы все, кому не лень, били и калечили его на льду!

— А эта женщина — показал на Вику Женя,— не имея на то никаких оснований, хочет сделать из Егорки великого шахматиста... чтобы все, кому не лень, ставили ему мат и смеялись над тем, как он в цейтноте тычет фигуры куда попало.

— А чего спорить? — сказала Наталья Семеновна убежденно.— Егорушка не будет ни хоккеистом, ни шахматистом, он будет великим доктором. А то ведь придешь в поликлинику, а тебе говорят: «Эта болезнь, бабушка, у вас неизлечимая». Спросишь их: «А все-таки как же эта неизлечимая болезнь называется?» Они глаза в сторону: «Возраст, бабушка, возраст!» А Егорушка ото всяких болезней будет бабок лечить.

Молодой папа усмехнулся:

— Долго вам, Наталья Семеновна, ждать придется, пока Егорка сможет вас принять у себя в поликлинике.

Наталья Семеновна шутку эту не приняла, ответила серьезно, даже сурово:

— Я не о себе говорю. Может быть, он мамочку свою будет лечить, а может быть, тебя. А может быть, женится, детки у него к тому времени пойдут, придет к ним какая-нибудь старая карга, вроде меня, помогать по хозяйству... вот он и вылечит ее...

Мама Вика встала и пошла на кухню готовить чай. Немного спустя за ней последовал и папа Женя. Вскоре из кухни стали доноситься веселые голоса и смех.

Егорка проснулся. Лежал спокойно, улыбался склонившейся над ним прабабке. Улыбка у него была мудрая, чуть хитроватая. Что он хотел сказать ею? Может быть: «Чудаки вы все, хоть и такие большие! Кем я буду?! Да прежде всего надо стать человеком, а уж дорожку себе в жизни я найду, не беспокойтесь за меня. Поживем — увидим и сами выберем».

ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ...

Уютный зал Государственного театра кукол переполнен. Взрослых здесь не меньше, чем детей, и это не удивительно: спектакли кукол Сергея Владимировича Образцова — всегда радостное событие театральной жизни.

Нынче здесь премьера детского спектакля «Сказка о царе Салтане». Этот спектакль поставил народный артист РСФСР С. С. Самодур. Всем хорошо знакомы его актерские образы: Остап и Голова («Ночь перед рождеством»), Конферансье («Необыкновенный концерт»), Создатель («Божественная комедия»)... Но Самодур не только актер, он давно уже занимается режиссурой; гротеск — его любимый прием, при этом он поразительно достоверный и органичный мастер.

— Пушкин труден для постановки,— говорит режиссер.— «Сказка о царе Салтане» написана не для сцены, но нам хотелось сохранить ее эпическую природу, ее очарование, и в то же время уйти от традиционных изобразительных средств — гусляров, скоморохов... Хотелось ни в чем не изменить текст Пушкина и принести его на сцену. Поэтому мы трактуем косвенную речь сказки как мысли, произносимые вслух персонажами.

Думается, это должно придать спектаклю особый колорит. Как это у нас получилось, будут судить зрители.

...Начинается представление. Оживает мир пушкинской сказки, где столько юмора и поэзии. Публика шумными аплодисментами приветствует своих любимых друзей: сегодня актеры не прячутся за ширмами, они действуют прямо на глазах у зрителей.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком...

Парни и девушки одеты в нарядные, украшенные кружевами русские костюмы из серого сурового полотна. Они не только рассказчики, а самые настоящие волшебники, в их руках — все чудеса. Они доставляют на сцену Салтана и его прекрасную жену, богатырей и корабельщиков, бочку и коршуна. Взметнутся вверх фартучки, подбитые голубым шелком, и станут синим морем...

Но дивные пушкинские стихи не прерываются: куклы только иллюстрируют повествование, показывают то, о чем говорится в сказке.

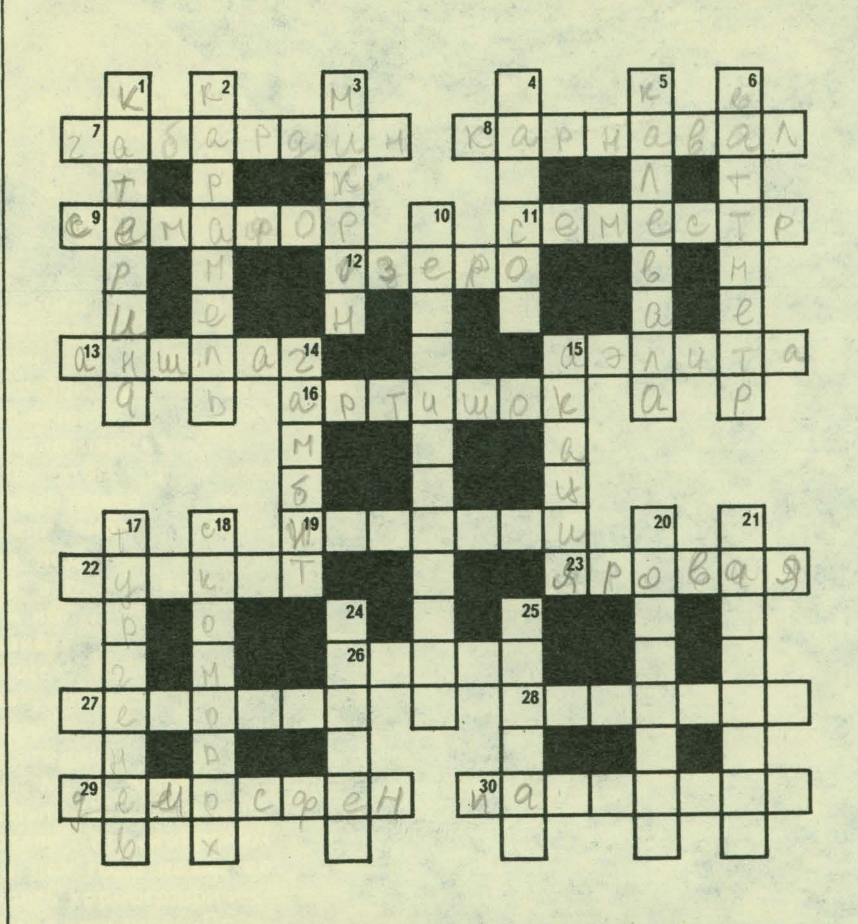
...В те-поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра-коня садяся...

Глуповатый, самодовольный, посвоему трогательный царь Салтан (Р. Ляпидевский) обнимает величавую, дебелую царицу (Л. Светлова); здесь же вьется баба-Бабариха (В. Анисимова) и ее завидущие дочки (А. Гвоздкова и Н. Дубко). И вот славное войско Салтана под бравурные звуки марша зашагало на войну.

Прекрасная царевна Лебедь (Л. Разоренова), меланхоличный царевич Гвидон (А. Очеретянский) — все до единой куклы выразительны (художник — М. Соколова). А артисты доносят удивительную прелесть пушкинских стихов.

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Е. Умнова

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Шерстяная ткань. 8. Массовое народное гулянье. 9. Сигнальное устройство. 11. Половина учебного года в высших учебных заведениях. 12. Водное пространство. 13. Театральное объявление. 15. Научно-фантастический роман А. Н. Толстого. 16. Овощ. 19. Река в Бирме. 22. Старинное ружье. 23. Героиня пьесы К. А. Тренева. 26. Экваториальное созвездие. 27. Средний каменный век. 28. Приток Камы. 29. Древнегреческий философ. 30. Областной центр в Казахстане.

По вертикали:

1. Картина Т. Г. Шевченко. 2. Сорт конфет. 3. Единица длины. 4. Французский композитор. 5. Карело-финский эпос. 6. Прибор для измерения мощности электрического тока. 10. Штат в США. 14. Начало шахматной партии. 15. Декоративное растение семейства мимозовых. 17. Великий русский писатель. 18. Странствующий актер в Древней Руси. 20. Увертюра Л. Бетховена. 21. Курорт в Азербайджанской ССР. 24. Русский врач-терапевт. 25. Морская промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №11

По горизонтали: 7. Федотов. 8. Русанов. 9. Бланк. 10. Данте. 11. Атлас. 12. Айва. 14. Аган. 16. Карьер. 17. Моцарт. 18. Вахта. 19. Богота. 22. Лисица. 25. Акын. 27. Чита. 28. Пласт. 29. Фланг. 30 Дрель. 31. Горилла. 32. Кандиль.

По вертикали: 1. Медяница. 2. Монреаль. 3. Иволга. 4. Брынза. 5. Марганец. 6. Модельер. 13. «Варвары». 15. Гималаи. 20. Отрадное. 21. Оратория. 23. Скафандр. 24. «Цитадель». 26. Нарзан. 27. Чулаки.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ирина Роднина и Александр Зайцев. На первенстве мира 1975 года в Колорадо-Спрингс (США) они завоевали золотые медали.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/II—75 г. А 00535. Подп. к печ. 11/III—75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 699. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 244.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Солистка ансамбля Галина Якимова.

УЗОРЫ ТА

В. ВАРЖАПЕТЯН
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

НЦА

Хореографический коллектив Дома культуры «Правда» — спутник Красноярского ансамбля танца Сибири. Каждый раз, когда ансамбль возвращается из гастрольной поездки, его руководитель Михаил Годенко приходит к своим подшефным. И, конечно, приглашает ребят на концерт красноярцев.

Они будут ждать этого дня, как праздника, будут радоваться каждому танцу и неистово аплодировать Лене Грязновой, которая недавно занималась вместе с ними, а теперь выступает в прославленном коллективе.

На следующее занятие в Доме культуры они придут, еще храня впечатление от захватывающего концерта. И Мара Лаврентьевна Корнева улыбнется после репетиции: «Сегодня вы действительно старались!» М. Л. Корнева — строгий педагог, опытный хореограф; много лет она работала с Красноярским ансамблем. Когда два года назад ее пригласили руководить хореографическим коллективом Дома культуры «Правда», многое пришлось начинать заново — перестраивать программу, методику обучения, а главное, надо было найти ребят, по-настоящему влюбленных в танец. Из «ветеранов» сейчас остался только Мансур Мутигуллин — выпускник ПТУ № 25. Учащиеся — основа ансамбля. Многие уже окончили училище, работают в типографии — Лида Кубышкина, Лена Михайлова, Анатолий Малин, Саша Кошуба. Но они по-прежнему не пропускают ни одной репетиции.

Так незаметно собрался интересный, дружный коллектив.

Постепенно складывался и репертуар, знакомый зрителям не только Москвы, но даже Софии. А начинался он с «Ненецкого танца»— темпераментного, яркого, сочетающего живые современные ритмы с древними ненецкими мелодиями и движениями. Особенно хороши в нем Люда Бахарева, Галя Якимова, Нина Жмуркина и Наташа Агапчева. В расшитых шубках и торбасах, они танцуют весело и легко...

После «Ненецкого танца» разучили «Регулировщиц», «Валенки», «Кадриль», «Хоровод у колодца», «Ложкарей». Каждый танец красив по-своему, но, конечно, самый любимый — «Сибирский лирический».

На сцене шесть девушек и шесть парней. Они то сплетают, то расплетают старинный цветистый орнамент, глаз радуют яркие рисунки, каждый со своим узором, со своим сюжетом — грустным, насмешливым, величавым.

«Сибирский лирический»... В исполнении красноярцев он поражает красотой и разнообразием хореографической вязи, музыкальностью. Конечно, ребята из Дома культуры могут только мечтать о таком профессиональном исполнении. Но главного они уже достигли — вошли в новый мир, прекрасный и необыкновенный, преобразивший их самих.

«Сибирский лирический».

«Валенки».

«Регулировщицы».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663